

Константин Михайлович Станюкович

Василий Иванович

Содержание

I.....	.0004
II.....	.0011
III.....	.0017
IV.....	.0022
V.....	.0034
VI.....	.0048
VII.....	.0059
VIII.....	.0076
IX.....	.0099
X.....	.0115
XI.....	.0136
XII.....	.0148
XIII.....	.0156
XIV.....	.0166

**Константин Михайлович
Станюкович
ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ**

Ослепительно роскошный пейзаж предстал во всей своей красоте, когда солнце, медленно выплыв из-за горизонта, залило светом и блеском остров, утопавший в зелени, на фоне которой сверкали белые дома и хижинки маленького Гонолулу [1], приютившегося у лагуны кораллового рифа, под склоном зеленящихся гор с обнаженными золотистыми вершушками.

Чарующая роскошь тропической растительности, блеск моря, зелени и света, переливы то нежных, то ярких красок, сверкавших под лучами солнца, тихо плывущего в бирюзовую высь, – все это казалось какой-то волшебной декорацией. Не верилось, что наяву видишь такую прелесть.

Вокруг царила мертвая тишина. Только из-за узкой полоски барьерного рифа, отделяющего лагуну от океана, доносился тихий ропот замиравшей зыби. Город еще опал в своей кудрявой зеленой люльке. Рейд был безмолвен. Шляпки не сновали между берегом и несколькими судами, стоявшими на рейде, и

пристань была безлюдна.

Среди этой торжественной тишины расцветавшего тропического утра вдруг раздался свист боцманской дудки, и вслед за тем в тиши гонолульского рейда разнеслись энергические приветствия по адресу матросских родственников, – внезапно напомнив вам, что вы находитесь на оторванном клочке далекой родины – на палубе русского клипера, в тот самый момент, когда начинается генеральная чистка после прихода военного судна на рейд.

Это – не обычная, ежедневная чистка, несколько напоминающая мытье голландских городков, а нечто еще более серьезное. Это – то торжественное жертвоприношение богу морского порядка и богине чистоты, которое матросы коротко называют «каторжной чистотой».

Клипер пришел на рейд накануне, перед вечером, и потому «чистота» была отложена до утра. И вот, как только пробило восемь склянок (четыре часа), клипер ожил.

Босые, с засученными до колен штанами, матросы рассыпались по палубе. Одни, пол-

зая на четвереньках, усердно заскребли ее камнем и стали тереть песком; другие «проходили» голиками, мылили щетками борта снаружи и внутри и окачивали затем все обильными струями воды из брандспойтов и парусинных ведер, кстати тут же свершая утреннее свое омовение.

Под горячими лучами тропического солнца палуба высыхает быстро, и тогда-то начинается настоящая «отделка». Несколько десятков матросских рук принимается убирать судно, словно кокетливую, капризную барыню на бал.

Клипер снова трут, скоблят, тиранят – теперь уже «начисто», – подкрашивают борты, подводят на них полоски, наводят глянец на пушки, желая во что бы ни стало уподобить чугунную поверхность зеркальной, и оттирают медь люков, поручней и кнехтов с таким остервенением, словно бы решились тереть до тех пор, пока блеск меди не сравнится с блеском солнца.

Перегнувшись на реях, марсовые ровняют закрепленные паруса; на марсах подправляют «подушки» парусов у топов. Внизу – разби-

рают и укладывают снасти. Двое матросов висят по бокам дымовой трубы на маленьких, укрепленных на веревках дощечках, слывущих на морском жаргоне под громким названием «беседок» (хотя эти «беседки» так же напоминают настоящие, как виселица – турецкий диван), подбеливая места, чуть тронутые сажей, и мурлыкая себе под нос однообразный мотив, напоминающий в этих южных широтах о далеком севере.

Уборка в полном разгаре. Старый боцман Щукин, по обыкновению, уже начинает сипнуть от ругани, придумывая самые затейливые и неожиданные вариации на одну и ту же тему, не столько ради необходимости «поощрить», сколько для соблюдения боцманского престижа и из желания щегольнуть плодами своей неистощимой ругательной фантазии. В этом он решительный виртуоз, не знающий соперников. Недаром он считается заправским боцманом и служит во флоте пятнадцать лет.

У матросов работа кипит. Они лишь урывками бегают своей особенной матросской побежкой (вприпрыжку) на бак – курнуть на

скорую руку, захлебываясь затяжками махорки, взглянуть на сияющий зеленый берег и перекинуться замечаниями насчет окружающей благодати.

Такая же отчаянная чистка идет, разумеется, и внизу: в палубе, в машине, в трюме, – словом, повсюду, до самых сокровенных уголков клипера, куда только могут проникнуть швабра, голик и скрябка и долететь крепкое словечко.

Уже восьмой час на исходе.

Уборка почти окончена. Только кое-где еще мелькают последние взмахи суконок и кладутся последние штрихи малярной кисти.

Матросы только что позавтракали, переоделись в чистые рубахи и толпятся на баке, любуясь роскошным островом и слушая рассказы шлюпочных, побывавших вчера на берегу, когда отвозили офицеров.

В открытый люк кают-компания виден накрытый стол с горой свежих булок и слышны веселые голоса только что вставших офицеров, рассказывающих за чаем о вчерашнем ужине на берегу, о красотах апельсиновой рощи, о прелестях каначек [2]...

Все теперь готово к подъему флага и брамрей. Клипер «приведен в порядок», то есть принял свой блестящий, праздничный, нарядный вид. Теперь не стыдно его показать кому угодно. Сделайте одолжение, пожалуйста и разиньте рты от восхищения при виде этого умопомрачающего блеска!

Палуба так и сверкает белизной своих гладких досок с черными, вытянутыми в нитку, линиями просмоленных пазов и так чиста, что хоть не ходи по ней («плюнуть некуда», как говорят матросы). Борты – что зеркало, глядись в них! Орудия, люки, компас, поручни – просто горят, сверкая на солнце. Матросские койки, скатанные в красивые кульки и перевязанные крест-накрест, белы, как снег, и на удивленье выровнены в своих бортовых гнездах. Снасти подтянуты, и концы их уложены правильными кругами в кадках или висят затейливыми гирляндами у мачт... Словом, куда ни взгляни, везде ослепительная чистота. Все горит, все сверкает!

И даже клиперский пес, Мунька, щенком взятый из России, плавающий с нами второй год и наметавшийся-таки в морских поряд-

ках, словно понимая торжественность минуты, старательно охорашивается и вылизывает свои черные мохнатые лапы, забравшись в сторонку, под пушку, чтоб не попадаться на глаза старшему офицеру, Василию Ивановичу. В качестве старшего офицера, Василий Иванович не особенно благоволит к общему любимцу Муньке, ибо знает за ним кое-какие неблаговидные проделки, нарушавшие, к ужасу Василия Ивановича, самым позорным образом великолепную чистоту палубы. Хотя Мунька, после основательной порки, давным-давно исправился и вместе с двуногими существами смотрит на палубу как на священное место, тем не менее чувствует, что Василий Иванович все еще не вполне доверяет собачьему благонравию, и потому, как благоразумный пес, старается быть подальше от глаз начальства в те торжественные часы, когда на судне свершается культ чистоты и когда, следовательно, Мунькиной шкуре, более чем когда-либо, грозит серьезная опасность.

Низенький, гладкий и круглый, как кубышка, пожилой лейтенант, щеголевато одетый во все белое, с безукоризненно чистыми воротничками – «лиселями», подпиравшими короткую загоревшую шею, стремительно выскочив снизу, появился на шканцах.

Это – «сам» Василий Иванович, старший офицер, помощник капитана, «хозяйский глаз» клипера и главный жрец порядка, прозванный матросским остроумием, дающим начальству свои неофициальные клички, – «Чистотой Иванычем».

Его круглое, широкое и добродушное лицо с тщательно выбритыми мясистыми щеками и толстой небольшой луковкой между ними, исправляющей должность носа, лоснится и сияет, как медная пушка на юте. Василий Иванович, очевидно, в отличном настроении. Недаром он жмурится, как кот, которому чешут за ухом.

С самого раннего утра – как только началась чистка – Василий Иванович, как волчок, носился по клиперу. То здесь, то там, то на па-

лубе, то внизу мелькала его толстенная подвижная фигурка в коротеньком рабочем пальто-буршлатике, в сбившейся на затылок фуражке и раздавался его пронзительный, несколько визгливый тенорок. Везде «нюхал», по выражению матросов, Василий Иванович. Там покрикивал, здесь похваливал и неся далее, возбужденный и озабоченный.

Так носился он во время уборки и затем сделал генеральный осмотр клипера. Куда только не заглядывал он! В какие только «узкости» и едва доступные места не залезал Василий Иванович, несмотря на свое почтенное брюшко!

В сопровождении боцмана Щукина, который насчет чистоты и порядка был, пожалуй, еще *plus royaliste que le roi* [3], Василий Иванович обошел нижнюю палубу, спускался в машинное отделение, лазил по кубрикам и по трюму. Везде он зорко оглядывал, везде, в случае сомнения, пробовал пальцем – чисто ли? (И Щукин следовал примеру Василия Ивановича – тоже пробовал.) В трюме оба жреца чистоты нагнулись над местом, где скопляется трюмная вода, и добросовестно

потянули носами – хорошо ли она пахнет? Понюхали, остались довольны и пошли прочь.

Везде был примерный порядок. Во время осмотра взгляд маленьких, добрых серых глазок Василия Ивановича ни разу не загорался внезапным гневом; толстенная, волосатая его рука не сжималась нервно в кулак, и из-под нависших рыжих усов, прикрывавших толстые, сочные губы, не срывались внушительные приветствия, столь любимые моряками вообще, а старшими офицерами и боцманами в особенности.

Осмотрев все внизу, Василий Иванович мог с спокойным сердцем отправиться в каюту и посвятить четверть часа своему туалету. Он любил-таки заняться своей особой. Он тщательно выбрился, вымылся, попрыскал себя одеколоном, основательно подчесал височки вперед и подфабрил усы, не без самодовольного чувства любуясь отражением круглого, мясистого, добродушного лица, и, взглянув на часы, торопливо облекся в свежую белую пару, чтобы к подъему флага (к восьми часам) быть, по обыкновению, чистым и сия-

ощим, как и самый клипер, о благолепии которого он так ревновал.

Веселый и довольный, что все в порядке, что погода славная («отлично такелаж тянуть!») и что не вредно будет съездить на берег и посмотреть на каначек, какие они такие, – Василий Иванович взбежал, с ловкостью настоящего моряка, по трапу на мостик. Там лениво шагал, ожидая смены и чаю, молоденький вахтенный мичман, уставший уже любоваться в течение четырехчасовой вахты красотами тропической природы и с завистью посматривавший в открытый люк кают-компания на стаканы с чаем, булки, сливки и масло.

– Все готово у нас к подъему брам-рей? – спросил Василий Иванович, принимая озабоченный, служебный вид, хотя отлично знал, что все давно готово.

– Все готово-с! – отвечал и мичман официальным тоном, видимо, щеголяя служебной аффектацией в ответе старшему офицеру.

– Как время?

– Полсклянки до восьми!

И затем, выдержав паузу, мичман приба-

вил уже неофициальным тоном:

– Кругом-то прелесть какая! Взгляните, Василий Иванович!

– Еще будет-с время любоваться, батенька, красотами природы... Эх, вы, поэт! – с веселой снисходительностью прибавляет Василий Иванович.

И как будто назло экспансивному мичману, любующемуся на вахте природой, Василий Иванович даже не взглянул на сиявший роскошью красок остров, а, расставив фертом свои коротенькие ножки и задрав кверху голову, стал осматривать, хорошо ли выправлен рангоут.

Он не просто осматривал, а, можно сказать, священнодействовал. То слегка приседал, держась руками за поручни, то приподнимался на цыпочки, то прикладывал руки к глазам, с серьезною торжественностью проверяя выправку рей и зорко оглядывая, не «висит» ли какая-нибудь веревка.

Точно такие же движения и с такой же, если еще не с большей, серьезностью, проделывал на баке, вслед за Василием Ивановичем, и боцман Щукин, взглядывая по временам на

старшего офицера, причем весь подавался вперед, вытягивая свое красное, загорелое лицо и насторожив ухо – не будет ли какого замечания.

Наконец они оба окончили свои гимнастические упражнения. Все, слава богу, и наверху в исправности! Реи выправлены безукоризненно; паруса закреплены на совесть; такелаж подтянут.

Василий Иванович окончил осмотр, но все еще продолжает любоваться общим видом клипера с тем чувством удовлетворения и гордости, с каким хороший хозяин смотрит на дело рук своих. Лаская клипер любовным взором и глядя на весь этот блеск, на все это великолепие судна, он мог по совести воскликнуть, как Кукушкина в «Доходном месте»: «У меня ль не чистота, у меня ль не порядок!» [4]

С этой почтенной дамой у Василия Ивановича, как и у многих старых моряков, было-таки немало сходства. Он не меньше ее был влюблен в чистоту и порядок и на служение им положил свою душу, добровольно создав себе из своей обязанности, и без того не легкой, нечто вроде подвижничества.

С утра до вечера, и в море, и на якоре, Василий Иванович вертится, как белка в колесе, наблюдая, чтобы клипер был «игрушкой», чтобы работы «горели». Он искренне скорбел, если паруса крепились не в четыре минуты, а в пять, и приходил в отчаяние, если на другом судне работали скорее, чем на клипере. Он хмурил брови при виде пятна на борту и не на шутку волновался, поймав гардемарина, который осмеливался, по молодости лет, плюнуть на палубу, а не за борт.

Тогда Василий Иванович весь краснел и петухом набрасывался на преступника.

– Как же это можно-с! Палуба, можно сказать, в некотором роде-с, священное место-с, а вы, с позволения сказать-с, плюете-с! – взвол-

нованно говорил Василий Иванович, прибавляя в таких случаях, для большей внушительности, «с». – Вы плюнете-с, другой плюнет-с, третий харкнет-с – во что обратится тогда палуба-с! Вам бы пример подавать нижним чинам, а не плевать-с... Этого нельзя-с, господин гардемарин!

«Господин гардемарин» выслушивал выговор, приложив руку к козырьку фуражки и стараясь сохранить на лице самую серьезную мину. И Василий Иванович отходил, нервно поводя плечами и теребя свои усы.

Минут через пять – десять Василий Иванович обыкновенно снова подходил к провинившемуся и, взяв его под руку, уже весело замечал своим обычным, добродушным тоном, каким говорил не по службе:

– А вы, батенька, не будьте в претензии, что я вас распустил... Без этого нельзя! Служба – службой, а дружба – дружбой, голубчик!

И, стараясь загладить неприятное впечатление выговора, Василий Иванович пускался рассказывать, как его, бывало, «разносили» («тогда этих нынешних деликатностей не было, батенька!») и нередко угащивал стаканом

портера из своего собственного запаса.

– Выпейте, батенька! Это здоровый напиток! – ласково приговаривал он.

В заботах о клипере сосредоточивались все интересы Василия Ивановича. Других, казалось, он не знал или по крайней мере забывал о них на время. Всегда занятый, умевший создать себе заботы, если их не было, из пустяка сделать серьезный вопрос, – Василий Иванович наполнял таким образом жизнь, не зная скуки, не нуждаясь в чтении, не тяготясь однообразием судовой жизни. Поглощенный службой, он, казалось, был вполне доволен и счастлив, и долгое плавание ему было ни о чем. Ничто его не тянуло в Россию. Ни мать, ни сестра, ни невеста не ждали его возвращения.

Он был одним из тех скромных морских служаков, которые тянут лямку, никогда не выдаваясь, ни на что не претендуя и всегда оставаясь в тени. Исправный, исполнительный офицер, добрый товарищ, не знавший интриг и служебного пролазничества, он никогда нигде не просился и всегда старался быть подальше от начальства, словно боясь, как бы его не

заметили. Лишь через пятнадцать лет службы Василия Ивановича, наконец, назначили старшим офицером на судно, отправлявшееся в кругосветное плавание, и то благодаря хлопотам командира, давно знавшего Василия Ивановича. Сам он никогда бы не решился беспокоить высшее начальство, уверенный, что оно само знает, кто чего достоин. Вдобавок он и трусил начальства, терялся в его присутствии и временами совсем ошалевал. Смотр какого-нибудь адмирала бывал для Василия Ивановича настоящей пыткой. Он заранее волновался, и хотя знал, что на клипсере все в исправности, а все-таки трусил.

– А вдруг он да что-нибудь заметит! – говорил обыкновенно в таких случаях Василий Иванович и, лично храбрый, не терявшийся во время бурь и непогод, он падал духом и тихонько крестился, чтобы все «промело» благополучно.

Разумеется, по большей части все «промело» благополучно, и Василий Иванович радостно пыхтел, когда адмиральская гичка отваливала от борта.

– Антонов! – весело кричал своему вестово-

му Василий Иванович, спускаясь, после проводов адмирала, в кают-компанию, – достань-ка, братец, бутылочку портерку!

И, весь красный и вспотевший от пережитых тревог и волнений, Василий Иванович с жадностью выпивал стакан-другой «здорового напитка», угощал радушно желающих и мало-помалу приходил в себя.

IV

Хотя Василий Иванович и «донимал чистотой», но никакого страха не наводил на матросов, и матросы были расположены к старшему офицеру. Правда, матросское остроумие прозвало его Чистотой Иванычем, но в этом прозвище было больше добродушного юмора, чем злобы.

– Чистота, ребята, идет! – шепчет, бывало, матрос соседям, завидя, во время утренней уборки, приближавшуюся круглую фигурку Василия Ивановича, и начинал тереть какой-нибудь медный болт, и без того сверкающий, еще с большим ожесточением.

И Василий Иванович рад.

– Чище его, братец, чище его, каналью! – говорит, останавливаясь, Василий Иванович. – Чтобы горел, понимаешь?

– Есть, ваше благородие! – отвечает матрос.

Василий Иванович несется далее и уже шумит на баке, указывая пальцем на какой-нибудь милосияющий блочек, а матросы улыбаются, уменьшая, по уходе старшего офицера, свое ожесточение против меди.

– Наша Чистота не жалеет, братцы, суконок!

– И носит же его, даром что пузастый... Ишь расшумелся!

– Шуметь – шумит, а ведь добер...

– Это что и говорить – правильный человек... Вот только чистотой донимает.

– Одно слово... Чистота Иваныч! – посмеиваются матросы.

По своим теоретическим «морским» убеждениям Василий Иванович – «умеренный дантист» и линек считает в некоторых случаях недурным средством исправления.

– Нельзя иногда и не «смазать»! – говорит Василий Иванович. – Нельзя бывает в крайнем случае и не «всыпать»... Всыпал небольшую порцию и... шабаш... Не под суд же отдавать... Пропадет человек!

Однако Василий Иванович, по доброте своего характера, крайне редко применяет на практике свои принципы (хотя и не скрывает их). Если случалось иногда, в минуты вспышки, когда марсафал отдадут не вовремя или где-нибудь «заест» шкот, Василий Иванович, в дополнение к обильным приветствиям, и

смажет кого-нибудь, то смажет, по выражению матросов, вовсе «без чувства».

– Ровно комар кусанул! – смеются потом матросы, собравшись «полясничать» на баке... – У нашего Чистоты Иваныча рука, братцы, легкая. А был у нас на фрегате старший офицер, так я вам скажу... рука! И опять же, бил зря... Озверевает и чешет... – рассказывает кто-нибудь из матросов.

– Много их есть таких!.. – подтверждают другие.

– А наш-то, надо правду говорить, зря не дерется! Да и в кои веки!

Обыкновенно Василий Иванович после кулачной расправы чувствовал какую-то неловкость. Не то чтобы он испытывал угрызение совести... нет – он смазал за дело! – а все-таки ему было как-то не по себе, особенно если наказанный матрос был из числа безответных. Вдобавок и веяния времени оказывали свое влияние – то был расцвет шестидесятых годов – и капитан был враг подобных наказаний, и благодаря влиянию этого человека на клипере телесные наказания были изгнаны из употребления [5] задолго до официального

их уничтожения.

Еще в начале плавания, вскоре по выходе из Кронштадта, капитан пригласил однажды к себе в каюту офицеров и гардемарин и высказал свои взгляды на отношения к матросам – взгляды, совсем непохожие на существовавшие тогда во флоте. Он рекомендовал господам офицерам избегать телесных наказаний и кулачной расправы, надеясь, что ни дисциплина, ни «морской дух» не пострадают от этого.

Капитанский спич произвел сильное впечатление, особенно на молодежь. В порыве энтузиазма в кают-компании вскоре состоялось даже решение – незначительным, впрочем, большинством голосов, – не браниться и за каждое бранное слово, обращенное к матросу, вносить штраф. Василий Иванович чистосердечно объявил, что он не присоединяется к такому решению, и тогда же выразил сомнение в осуществимости плана. Он оказался прав. Выполнить это самоотверженное постановление оказалось сверх сил моряков, и вскоре его отменили, – иначе очень многим пришлось бы не только сидеть без копейки

жалованья, но и войти в неоплатные долги.

И капитан, всегда сдержанный, мягкий и снисходительный, бывало, только морщился, когда во время аврала на клипере раздавалась ругань, увеличиваясь *crescendo* [6] по мере расстояния от мостика, где взад и вперед молча ходил капитан и где, распорядясь авралом, простирал иногда в отчаянии руки к небесам Василий Иванович, ругаясь себе под нос, что работа шла тихо и, наконец, не выдерживал – летел на бак и там давал волю языку своему по поводу какой-нибудь «заевшей» снасти.

В кают-компании любили Василия Ивановича за его правдивость и добродушие и признавали его авторитет в знании морского дела. Многие, правда, находили, что он уж чересчур влюблен в «чистоту и порядок», а некоторые из молодежи, кроме того, ставили на счет Василию Ивановичу и его морские принципы, считая их отсталыми. Василий Иванович это знал, но продолжал исполнять свое дело по своему разумению.

Слушает, бывало, Василий Иванович, по обыкновению молча, когда в кают-компании

поднимается после обеда какой-нибудь спор по поводу щекотливых вопросов, и редко вмешивается. Но если он заметит, что молоденький гардемарин слишком пылко возмущается взглядами своего оппонента, Василий Иванович непременно заметит:

– Все это отлично, что вы говорите... Гуманные, благородные взгляды, спору нет... Ну, и разные там философии: «отчего да почему?» – превосходно-с, но только протяните-ка, батенька, лямку с наше, и тогда посмотрим, каким будете вы в наши годы... А теперь – молодая, в Саксонии не была! Выпейте-ка лучше портерку, милый человек, да оставьте Фому Фомича при его взглядах...

– Ну уж извините, Василий Иванович, извините-с! Ни теперь, ни после я не изменю своим убеждениям, – горячится юнец с взбитым вихорком.

– И дай вам бог, дай вам бог не изменять им!.. Но сперва надо испытать себя, выдержать, знаете ли, несколько житейских штормиков, как мы с Фомой Фомичом! – добродушно прибавлял Василий Иванович.

Фома Фомич, пожилой и невзрачный ар-

тиллерист, безнадежно тянувший ляжку в вечном подчинении, поручик, несмотря на свои сорок пять лет от роду и двадцать пять лет службы, – видимо, начинал сердиться на этого «мальчишку», который бегал еще с «разрезной бизанью» (то есть в незастегнутых панталончиках) в то время, когда Фома Фомич уж давно был прапорщиком. А между тем через год-другой – смотришь, этот же самый мальчишка будет начальником того же Фомы Фомича, только потому, что Фома Фомич принадлежал к тем обойденным, забытым судьбою, служебным «париям» [7], которые известны во флоте под названием штурманов, механиков и морских артиллеристов. [8]

Некрасивое, скуластое, с выпученными глазами, как у быка, лицо Фомы Фомича начинает багроветь. Уж он не прочь «оборвать» мальчишку, пока он еще младше чином, и излить на него запас зависти и злобы, хотя и подавленной, но вечно питаемой обойденными, униженными офицерами корпусов вообще к морякам, – но Василий Иванович не зевает и вмешивается в спор, стараясь смягчить его

острый характер.

Он опять предлагает стаканчик портеру, на этот раз Фоме Фомичу, затем начинает рассказывать, обращаясь к нему, какой-нибудь эпизод из своей службы и в то же время беспокойно посматривает: не догадается ли другой спорщик выйти из кают-компании. Но на этот раз маневры Василия Ивановича не удаются. Едва он кончил рассказ, как Фома Фомич в нетерпении поворачивает лицо свое к юнцу, который, в свою очередь, приготовился к бою, словно молодой петух.

Тогда Василий Иванович «вдруг вспоминает», что ему нужно переговорить с Фомой Фомичом по службе насчет крюйт-камеры, и тихонько уводит с собою Фому Фомича наверх. Он сперва действительно начинает речь о каких-нибудь работах, относящихся к ведению артиллериста, но, не умея хитрить, скоро путается и под конец говорит:

– Я ведь нарочно все это... обеспокоил вас... Уж вы извините, Фома Фомич... Вы разгорячились... он разгорячился... долго ли и до ссоры!.. А вы ведь знаете, Фома Фомич, – мы с вами, слава богу, не пижоны, – что ссора в ка-

ют-компанияи – последнее дело... Это не на берегу, где люди поссорились, да и разошлись... Тут волей-неволей, а всегда вместе... Ну, вы и старше, и рассудительнее, и похладнокровней – вам бы, знаете ли, и попридержаться... Юнцу труднее... Молодо, зелено. Долго ли ему увлечься...

– Он, Василий Иванович, всегда лезет со спорами... Он забывает, что я не молокосос, а старший артиллерийский офицер! – говорит с обидчивым раздражением Фома Фомич, вращая своими выпученными белками... – Какой-нибудь тут маменькин сынок... папенька – адмирал... так уж он и воображает!.. Ты, брат, прежде усы хоть заведи и тогда разводи... А то: «допотопные взгляды»! Вы ведь слышали, Василий Иванович, как он это сказал и как при этом взглянул? Точно я, с позволения сказать, в самом деле какой-нибудь допотопный зверь-с... Все же, хоть я и не адмиральский там сын, а надо иметь уважение... Славу богу, двадцать пять лет отзвонил... И вдруг какой-нибудь мальчишка...

– Уж я его распушу, Фома Фомич, распушу... Будет помнить! Только вы на него не

сердитесь... Ведь он, по совести говоря, и не думал вас оскорбить... Ей-богу, не думал... Так, в пылу спора увлекся... ну, и трудно бывает всякое лыко да в строку! Все мы, кажется, слава богу, живем по-товарищески... все вас уважают...

Василий Иванович как-то умел успокоить, и после такой беседы Фома Фомич возвращался в кают-компанию значительно смягченный и, во всяком случае, уверенный, что его и не думали сравнивать с допотопным зверем.

В свою очередь, и гардемарин с задорным вихорком призывался в каюту Василия Ивановича и получал там «порцию» советов.

– Философии-с разные разводите, батенька, а забываете, что грешно обижать людей! – начинал обыкновенно «пушить» Василий Иванович, усадив гостя на табуретку. – Фома Фомич по-своему смотрит на вещи, я – по-своему, вы – по-своему... ну, и оставьте Фому Фомича в покое... Эка на кого напали... На Фому Фомича! Сами знаете, что служба ему не мать, а мачеха, а вы еще подбавляете ему горечи... Можно спорить, уж если так хочется, но не обижать человека... А то прямо и брякнули:

«допотопные взгляды». А если бы он вам на это ответил резкостью... вы бы ему еще... вот и ссора... И из-за чего-то ссора? Из-за выеденного яйца! Какой ни на есть Фома Фомич, допотопный или нет, а он добрый человек и честно исполняет свое дело...

– Я не думал обижать Фому Фомича... Я вообще говорил о допотопных взглядах... С чего это он взял...

– Не думали, а обидели... Вы – «вообще», а он на свой счет принял... Эх, батенька!.. У вас-то вся жизнь впереди, надежды там разные, – даст бог, адмиралом будете, что ли, – а ведь у Фомы Фомича ничего этого нет... Тер ляжку весь век и умрет, пожалуй, в капитанском чине... Вот он и мнителен, и от всякого неосторожного слова готов обидеться... А вы еще шпильки подпускаете... Это, милый человек, не по-рыцарски... Надо беречь чужое самолюбие, если оно никому не вредит, а не то что раздражать его... Уж вы сердитесь не сердитесь на меня, а я, как старший товарищ, считаю долгом вам сказать это... И что за страсть у вас спорить! – удивлялся Василий Иванович. – Фому Фомича вы не переделаете, а

только раздражите... Да и кому вредит Фома Фомич? Я бы, знаете ли, на вашем месте, объяснил ему, что не имел намерения его оскорбить... За что его обижать? И без того судьба его обидела!

Кажется, не особенно мудрые были слова Василия Ивановича, но товарищеский тон их и, главное, сердечная теплота, которой они были проникнуты, делали свое дело. Гардемарин с задорным вихорком объяснялся с Фомой Фомичом, и Василий Иванович радовался более всех, видя, что снова в кают-компании царствуют мир и согласие и нет никаких интриг. К интригам Василий Иванович питал страх и отвращение.

До подъема флага осталось всего пять минут. Офицеры уж стали собираться на шканцах, а Василий Иванович все еще продолжал любоваться клипером.

Все сегодня были как-то празднично настроены. Берег, со всеми его удовольствиями, действовал на моряков оживляющим образом. Большинство собиралось ехать на берег с утра и провести в Гонолулу целый день. Поглядывая на живописный берег, все обменивались между собой восторженными восклицаниями. Даже Фома Фомич размяк и обещал дать двадцать пять долларов займа гардемарину с вихорком, который донимал Фому Фомича допотопными взглядами. Фома Фомич был кремень. Он редко съезжал на берег и редко раскошеливался, и у него водились деньжонки. Но Гонолулу прельстил и его, и он собирался «кутнуть» вместе с другими.

– А вы, батя, поедете? – обращается кто-то к иеромонаху Виталию, стоявшему в сторонке и как-то безучастно смотревшему на город.

– Не подобает! – басит в ответ отец Вита-

лий, и его желтое, бескровное лицо, несколько похожее на те, которые рисуются на образах, делается напряженно-серьезным.

– Отчего не подobaет?

– Соблазн... Голые человеки... И опять же, в рассуждении одежды...

– Я вам, батя, платье дам... Пиджак у меня отличный...

– Срамно... Монах и в пинжаке...

– Проветрились бы, посмотрели бы на природу, а то вы, батя, все в каюте да каюте... Того и гляди цинга сделается...

– Божья воля... Вот вышел теперь и зрю...

Отец Виталий, попавший из уединения Валаамского монастыря [9] в кругосветное плавание, скучал среди не подходящего для него общества моряков и большую часть времени спал в своей каюте. В кают-компанию заходил редко, только во время чая, завтрака и обеда, говорил вообще мало и пел у себя в каюте духовные канты [10]. По происхождению из мелких купцов, отец Виталий, несмотря на монашеский обет, был сребролюбив. Он копил деньжонки и давал по мелочам в «заимобраз», до получки жалованья, и с небольшой

лихвой. В иностранных портах, посещаемых клипером, отец Виталий ни разу не был. Находил, что «не подобает», да и жалел потратиться на покупку статского платья. Раз было он попробовал съехать на берег, кажется в Англии, в своем монашеском одеянии, но скоро вернулся, ругательски ругая английских уличных мальчишек, провожавших его по улице целой толпой. Зато, когда клипер заходил в русские порты Тихого океана, отец Виталий оживал: вместе с несколькими охотниками-матросами отправлялся, бывало, на рыбную ловлю (он был отличный рыболов) на целый день и возвращался обыкновенно в чересчур веселом расположении духа.

– И ловок же поп наш ловить рыбу! – говорили матросы, передавая подробности рыбной ловли... – Ну, и насчет вина горазд...

Наконец вышел наверх и капитан. Отвечая любезно на поклоны, он поднялся на мостик. Это был высокий, несколько сутуловатый, худощавый мужчина лет сорока. Что-то спокойное, неторопливое, скромное и в то же

время уверенное было в его манерах, в походке, в чертах серьезного энергичного лица, окаймленного черными, начинавшими серебриться, бакенбардами, в добром, спокойном взгляде черных глаз. Сразу чувствовалось, что это человек твердой воли, умеющий владеть собой при всяких обстоятельствах, привыкший управлять людьми и пользовавшийся авторитетом не в силу своего положения, а вследствие кое-чего более существенного и прочного. Во всей этой спокойной фигуре было что-то располагающее и внушающее доверие. Он так же спокойно и неторопливо распоряжался во время шторма, как и в обыкновенное время; все знали, с каким хладнокровием и находчивостью этот же самый человек, три года тому назад, выбросился во время бури на берег, чтобы спасти судно и людей. Старый матрос, бывший в то время на шкуне и теперь служивший на клипере, рассказывая этот эпизод и описывая, какой напал на всех ужас при виде шкуны вблизи бурунов, разбивающихся о подводные камни, так говорил про капитана:

– А он-то стоит это, братцы вы мои, на мо-

стике, и нет в нем никакого страху... «Не робей, говорит, ребяташки, не робей, говорит, молодцы!..» Ну, видим – он не сробел, и наш страх пропадать стал... И командует быдто на ученье... Так на всех парусах и пронеслись промеж скал, да и врезались в мелкое место... И все тогда вздохнули, перекрестились... видим – спаслись. Он как есть потрафил... А не вздумай он выброситься – быть бы всем нам покойниками, потому якорья потеряли, машина испортилась, а вихорь так и несет на каменья. А от этих самых подлых каменьев до берега далече... А буря и не дай тебе господи!.. А он и выдумал... Как это мы врезались, он и говорит: «Ну, молодцы, ребята... Славно работали... Теперь, говорит, отдохнем!» И ушел вниз... Господь его, видно, любит и бережет за евойную доброту, за то, что матроса не обижает!.. – прибавлял рассказчик.

– Д-да!.. Такого капитана мы еще не видавали... – поддакивают матросы. – Одно слово, голубь!

При появлении капитана Василий Иванович подобрался, приосанился, отступил несколько назад и, снимая, по морскому обы-

чаю, фуражку, раскланялся с своей обычной, несколько аффектированной служебной почитательностью, в которой, однако, не было ничего заискивающего, унижительного. Этим поклоном Василий Иванович не только приветствовал уважаемого человека, но, казалось, и чествовал в лице его авторитет командирской власти.

– С добрым утром, Василий Иванович! – проговорил капитан, пожимая Василию Ивановичу руку. – Успели уж совсем убраться! Клипер так и сияет! – прибавил он, озираясь вокруг.

Довольная улыбка растянула рот Василия Ивановича до ушей. Он засиял еще более от этого вскользь сказанного комплимента и скромно проговорил:

– Управились помаленьку, Павел Николаевич!

И затем прибавил озабоченно:

– Такелаж несколько ослаб после перехода, Павел Николаевич. Надо бы тянуть...

– Что ж, вытянем...

– Когда прикажете начинать?

– Успеем еще, Василий Иванович... Мы

здесь простоим неделю, если не будет каких-нибудь особых приказаний от адмирала; с почтовым пароходом завтра придет из Сан-Франциско почта. Адмирал, кажется, в Сан-Франциско.

– На флаг! На гюйс! – раздался веселый голос вахтенного мичмана.

На клипере воцарилось молчание. Василий Иванович отступил назад и взглянул на часы. Оставалась еще минута. Сигнальщик перевернул минутную склянку и смотрел, как медленно сыпался песок.

– Склянка выходит, ваше благородие! – доложил он вахтенному офицеру.

– Ворочай! Флаг и гюйс поднять! – раздалась команда.

Все обнажили головы. Выстроенный на шканцах караул отдал честь, взяв ружья на караул. Горнист заиграл поход. Боцмана и унтер-офицеры засвистали в дудки. И в то самое время, как колокол бил восемь ударов, брамреи, заранее поднятые, были моментально повернуты, и оба флага, кормовой и носовой, взвились на флагштоках.

Все надели фуражки. На военном судне на-

чался день.

Новый вахтенный офицер с последним ударом колокола взбежал на мостик. Смена вовремя свято соблюдается между моряками, особенно в море, да еще в скверную погоду. Опоздать без предупреждения, при смене товарища, считается чуть не преступлением.

Окончив сдачу, мичман спросил:

– Вахты как теперь на якоре будут? Суточные?

– Да. Старший офицер разрешил...

– Так я на целый день дерну на берег!.. Счастливо оставаться! – проговорил мичман весело и пошел в кают-компанию пить чай.

К капитану, стоявшему на другой стороне мостика, подходили между том офицеры, заведующие отдельными частями, с обычными ежедневными рапортами о благополучии вверенных им частей. Капитан выслушивал, приложив руку к козырьку, по очереди короткие рапорты артиллериста, штурмана, доктора и старшего офицера, обменивался с ними рукопожатиями, и рапортующие уходили.

Когда Василий Иванович окончил свой краткий рапорт, капитан сказал:

– Сегодня утром придется ехать с официальными визитами, но к вечеру я рассчитываю быть на клипере, Василий Иванович. И завтра целый день останусь, – подчеркнул он. – Значит, вам ничто не мешает ехать на берег, Василий Иванович...

– Успею еще... Пожалуйста, из-за меня не стесняйтесь, Павел Николаевич!.. Я, вы знаете, небольшой охотник съезжать... Так разве, немножко прогуляться, что ли! – прибавил Василий Иванович, краснея...

Между капитаном и старшим офицером нередко происходили сцены, где один старался превзойти деликатностью другого. Бывали эти сцены по случаю съездов на берег. Оба они одновременно почти никогда не оставляли клипера, кто-нибудь из них да оставался. Таков был заведенный морской порядок. Капитану, по его положению, разумеется, чаще приходилось съезжать: делать официальные визиты, принимать приглашения на обеды и пр.; он всегда старался, чтобы и Василию Ивановичу было время съездить на берег. Василий Иванович, с своей стороны, отказывался, говоря, что ему и не хочется и работы есть на

клипере... Так отговаривался он и теперь.

– Уж вы и так заработались, Василий Иванович. Надо и вздохнуть... Посмотрите, как хорошо не берегу... И за город стоит проехать-ся... Консул вчера говорил, что там прелестные апельсиновые рощи и славные виды...

– Да, хорошо-с! – проговорил Василий Иванович, взглядывая на берег... – Хорошо-с! Я, если позволите, вечером съезжу-с...

– И завтра поезжайте, Василий Иванович...

– Завтра я думал начать такелаж тянуть.

– Нет, нет, Василий Иванович, подождем лучше... Дайте и людям отдохнуть... Уж я бы вас просил дня три никаких работ не делать и учения можно пропустить...

– Слушаю-с!

– Да команду можно бы уволить на берег...

Пусть прогуляются...

– Я думал – после работ, как такелаж вытянем...

Капитан улыбнулся.

– Вытянем и такелаж, не беспокойтесь...

Ведь в два дня кончим?

– Кончим.

– Ну, значит, можно команду отпустить

два раза на берег... Перед работой и после...
Согласны?

– Слушаю-с... Вот фор-марса-рея тоже чуть-чуть подалась... Надо бы в запас новую...

– Разве не выдержит?

– Выдержит, но только есть трещинка... правда, пустяшная...

– Так подождем, Василий Иванович...

– А краситься не будем, Павел Николаевич?

– Эка вы какой, Василий Иванович!.. И так, кажется, благодаря вам, клипер – игрушка!..

Обыкновенно капитан сдерживал Василия Ивановича, когда старший офицер, преследуя свой идеал порядка и чистоты, чересчур увлекался и утомлял людей. Капитан умел всегда убедить Василия Ивановича, не прибегая к приказаниям. Некоторое несогласие между ними во взглядах на чистоту и порядок не портило их отношений. Недаром Василий Иванович был вышколен в морской дисциплине и вдобавок был искренне расположен к капитану.

– Прикажете, пожалуйста, к девяти часам приготовить вельбот! – обратился капитан к

вахтенному офицеру.

– Есть! – ответил офицер.

– Я постараюсь пораньше вернуться, Василий Иванович, да не забудьте, что и завтра я дома! – еще раз повторил, улыбаясь, капитан и ушел к себе в каюту.

Все офицеры давно ушли вниз собираться на берег, а Василий Иванович все еще не спускался. Ему еще надо взглянуть на клипер снаружи и с боцманом править реи, и он приказал подать «четверку» к борту.

– На четверку! – раздалась команда.

– На четверку! – повторил боцман.

А между тем Антонов, вестовой Василия Ивановича, уже несколько раз выглядывал из входного люка, показывая свою коротко остриженную белобрысую голову и не решаясь доложить Василию Ивановичу, что пора ему пить чай. За хлопотами сегодняшнего утра Василий Иванович, казалось, и забыл, что еще не выпил своих обычных двух стаканов и не выкурил после них толстой, объемистой папиросы, и Антонов решил напомнить об этом своему барину.

– Тебе что? – заметил, наконец, Василий

Иванович высунувшуюся голову и беспокойные взгляды своего Лепорелло [11].

– Чай, ваше благородие, готов...

Василий Иванович махнул головой, и белобрысая голова Антонова скрылась.

– Шлюпка готова, Василий Иванович! – доложил вахтенный офицер.

Василий Иванович отвалил от борта и объехал кругом, оглядывая клипер, стоя в шлюпке. Боцман Щукин то и дело перебегал с места на место, следя с клипера за старшим офицером.

Через пять минут Василий Иванович уже был на палубе и говорил Щукину:

– Фор-брам-штаг чуть-чуть ослаб... Вытянуть!

– Есть, ваше благородие...

– Да погиби, знаешь ли, нет настоящей у фор-брам-стенги... Надо подать чуточку...

– Слушаю-с...

– Больше ничего, кажется... Работ сегодня никаких... Пусть команда отдыхает, а завтра повахтенно на берег.

– Есть! – еще громче и веселее отвечает боцман, оживляясь при мысли об удоволь-

ствии напиться на берегу, по обыкновению до бесчувствия.

– Да ты, Щукин, знаешь ли, повоздержись! – конфиденциально замечает Василий Иванович, хорошо знавший слабость старого служаки. – Боцман, а как съедешь на берег, напиваешься хуже стельки!..

– Постараюсь, ваше благородие! – тихо и нерешительно промолвил Щукин.

– Хотя на этот раз постарайся... Не очень пей! – говорит Василий Иванович более для очистки совести, зная тщету стараний боцмана, и опускается, наконец, в кают-компанию пить чай и вздохнуть после тревог и забот сегодняшнего утра.

VI

Капитанский вельбот и катер с офицерами давно уж отвалили от борта, а Василий Иванович все еще сидит на своем обычном месте, на диване, в опустевшей кают-компании, отпивая медленными глотками второй стакан чаю и дымя папироской. Делать Василию Ивановичу было решительно нечего; капитан просил дать отдых команде и никаких учений не производить; приводить в порядок ничего не оставалось – все было в порядке; распоряжения насчет будущих работ были сделаны, так что Василию Ивановичу поневоле приходилось благодушествовать, стараясь как-нибудь убить время до полудня, когда подадут обед, и затем уж можно будет вздремнуть часок-другой...

Василий Иванович выкурил папиросу за папиросой, мечтал о том, как он проведет вечер на берегу, и по временам издавал какие-то неопределенные звуки томления от жары, вытирая вспотевшее, покрасневшее лицо... Второй стакан допит, четвертая папироса докурена, вопрос об ужине на берегу дав-

но решен... Жарко, томительно жарко... Разве боцмана позвать и еще раз потолковать с ним насчет тяги такелажа?.. Но Василий Иванович уж давно толковал об этом, да и жаль беспокоить боцмана... «Надо и ему вздохнуть!..» – думает Василий Иванович и начинает насвистывать свой любимый мотив из «Роберта-Дьявола» [12]... В это время заботливый вестовой Антонов, давно уже исполняющий обязанности камердинера Василия Ивановича, словно понимая, что барин его может «заскучить», появляется в кают-компании и докладывает:

- Прикажете, ваше благородие, еще чаю?
- Жарко, братец...
- Точно так, ваше благородие... Настоящее пекло!
- А чай есть?
- Целый чайник...
- Ну, дай, пожалуй, – лениво говорит Василий Иванович.

Вестовой исчезает и через минуту приносит стакан горячего чаю и лимон.

- Портсигарник пожалуйста, ваше благородие, папирос наложить! – говорит Антонов.

Василий Иванович отдаёт свой объёмистый серебряный портсигар и, по возвращении вестового, спрашивает:

– На берег небось хочешь, Антонов?

Белобрысое, скуластое, простодушное лицо молодого вестового ухмыляется.

– Любопытно, ваше благородие!

– Любопытно?.. Что ж тебе любопытно? – допрашивает Василий Иванович и сам невольно улыбается, глядя на своего любимца вестового.

– Все, ваше благородие... Очинно красивая сторона... И опять же, ваше благородие, народ! – прибавил Антонов и снова фыркнул.

– А что?

– Смеху подобно: голые почти что шлеются. Сичас вот с пельсинами приезжал на шлюпчонке один – как мать родила... Лопочет, подлец, по-своему, сперва и не понять... Одначе ребята наши поняли и говорили как следует с эстим самым арапчонком...

– Говорили? – смеется Василий Иванович. – По-каковски же говорила матрозня?..

– А не могу знать, ваше благородие, но только друг дружку поняли и торговались...

Арапчонок смеется, и наши смеются. Сказывают: нехристь, ваше благородие?

– Да, своя, брат, вера у них! – замечает Василий Иванович и прибавляет: – Завтра, Антонов, можешь ехать на берег!

– Слушаю, ваше благородие!

– А денег что ж не берешь?.. Разве не нужно?

– Никак нет. У меня есть доллар на гулянку. А вот хотел я было, ваше благородие, просить...

Антонов остановился, переступая с ноги на ногу и теребя двумя пальцами штанину.

– Что тебе?

– Платок бы мне нужно, ваше благородие... Так уж выберите какой профорсистей, ваше благородие...

– Платок?.. Зачем тебе платок? – удивился Василий Иванович.

– Бабе моей, ваше благородие, – говорит Антонов, краснея, и пуще теребит штанину, словно бы стыдясь обнаружить свои чувства к жене, для которой он прикопил уж немало подарков при любезном посредстве Василия Ивановича.

– Гм! жене!.. – задумчиво протянул Василий Иванович. – В какую же цену?

– Как окажется, ваше благородие... Только, если можно, чтобы с птицей... В деревне любят с птицами... показистей...

– Ладно, братец, куплю... А знаешь ты, сколько у меня твоих денег?

– Не могу знать, ваше благородие!

– Ну, вот и дурак! Как есть дурак ты, Антонов! Сколько раз говорил тебе, что ты должен знать... Считать, что ли, не умеешь...

– Запомятовал, ваше благородие...

– Запомятовал! Было десять долларов, да тебе следует два доллара от меня за месяц... значит двенадцать... Смотри, помни, а то не стану я держать твоих денег... А еще матрос... запомятовал!..

– Слушаю, ваше благородие... буду помнить. А вам прикажете, что ли, изготовить вольную одежду?

– Да... летнюю пару из сундука достань.

– Чечунчовый пенджак [13], что в Шанхае справляли?

Василий Иванович мотнул головой.

– Так уж я давече вынул и развесил, чтобы

складок не оказывало...

– Ладно... Ужо к вечеру подашь.

Вестовой ушел.

Василий Иванович снова стал лениво отхлебывать чай, попыхивая толстейшей папиросой. Стояла полнейшая тишина в кают-компании. Только из-за приподнятых жалюзи одной из кают слышался равномерный скрип пера и шелест бумаги, и Василий Иванович невольно прислушивался к этому скрипу.

– Пишет... К Амалье своей, верно, все пишет доктор! – прошептал, улыбаясь, Василий Иванович.

Как и большинство офицеров, Василий Иванович знал – и даже обстоятельнее других знал – про все необыкновенные качества этой самой фрейлейн Амалии – скромненькой, худенькой, довольно миловидной белокурой немочки, с робким, словно недоумевающим, взглядом больших голубых глаз. В день ухода клипера из Кронштадта она приезжала проводить Карла Карловича, и Карл Карлович с необыкновенной торжественностью, весь сияя и млея, представил всех офицеров молодой девушке, повторяя с горделивой, самоодо-

вольной улыбкой: «Невеста моя, фрейлейн Амалия!» и тут же сообщал некоторым (в том числе и Василию Ивановичу), какая это прекрасная и благородная девушка. Фрейлейн Амалия при этом каждый раз краснела и, поднимая на Карла Карловича восторженно-застенчивый взор, то и дело стыдливо шептала: «Ах, Карл! ах, Карл!» – пока, наконец, после представлений, не уселась рядом с плотным, румяным и – несмотря на тридцатипятилетний возраст и почтенную лысину – несколько сентиментальным Карлом Карловичем.

Во все время прощального завтрака жених и невеста сидели в трогательном безмолвии, пожимая по временам друг другу руки, краснея и улыбаясь. Карл Карлович был торжественно печален, однако ел с аппетитом все подаваемые блюда, не забывая накладывать хорошие порции и невесте, и обводил всех каким-то горделивым, вызывающим взглядом, словно бы приглашая убедиться, какая прелестная у него фрейлейн Амалия и с каким благородным достоинством он умеет переносить тягость разлуки. И только когда стали поднимать якорь и провожавшие должны

были уезжать с клипера, Карл Карлович не выдержал: обнимая невесту, заревел как белуга, не забывши, впрочем, в самую последнюю минуту прощанья шепнуть в виде утешения рыдавшей девушке, что он непременно скопит в плавании три тысячи, и тогда ничто не помешает их счастью... «Adieu, mein Liebchen!» [14]

Как человек крайне аккуратный, добросовестный и в такой же мере наивный, Карл Карлович, по-видимому, полагал, что мимолетного знакомства сослуживцев с его невестой еще недостаточно для надлежащей оценки ее качеств, и потому считал своим долгом дополнить это знакомство. С трогательным простодушием, перед которым всякая скептическая улыбка была бессильна, рассказывал доктор о фрейлейн Амалии, восторженно описывая ее душевные качества, ее любовь и преданность. Он таки любил и помечтать вслух, не замечая сдержанных улыбок, уверенный, что вместе с ним все должны радоваться его будущему счастью, – когда, вернувшись в Россию с чеком на три тысячи, английским сервизом, китайскими чашечка-

ми, японскими шкатулками и огромным запасом манильских сигар, он получит штатное место ординатора при госпитале, купит рояль, устроит обстановочку, женится и будет плавать в блаженстве: любоваться Амалией, английской посудой и китайскими вазами, выкуривая по десяти «чируток» [15] в день.

Когда Карл Карлович получал от невесты письма, то обыкновенно торжественно заявлял, указывая на толстый пакет: «Это от фрейлейн Амалии!» И, краснея от радости и волнения, уходил в каюту читать длинное послание. И, боже сохрани, в такие минуты оторвать Карла Карловича без особо уважительной причины, вроде переломленного ребра. Обыкновенно сдержанный, хладнокровный и терпеливый, Карл Карлович выходил из себя. Все знали об этом и значительно говорили: «Не беспокойте, господа, доктора. Он Амальнойны письма читает!»

Охотнее всего Карл Карлович делился своими «мечтами» с Василием Ивановичем, которого особенно уважал, одного его удостоивал переводом некоторых отрывков из немецких писем фрейлейн Амалии и пресе-

рзезно обижался, если Василий Иванович, занятый служебными делами, не с достаточной экспансивностью разделял восторги влюбленного Карла Карловича.

Все это теперь невольно припомнил Василий Иванович, прислушиваясь к скрипу пера. Припомнил и задумался.

– Вот ведь пишет все... целые тетрадки исписывает... делится своими впечатлениями... Вернется в Россию и женится на своей Амалье этот счастливый Карла Карлыч! – проговорил вдруг Василий Иванович с какою-то безотчетною завистью старого холостяка и порывисто задымил папироской.

«Тоже вот Антонов... Платок жене просит купить... Сколько уж он накопил разных вещей... А вот ему так некому покупать! И писать некому, и не от кого получать писем. Нет ни одной души на свете, которая бы интересовалась его жизнью!»

Василий Иванович крякнул, подавив невольный вздох. Он решил не думать об этих вещах, но какое-то досадливое, обидное чувство одиночества и сиротливости совершенно незаметно подобралось к его сердцу,

застав Василия Ивановича врасплох – не занятого службой, не увлеченного служебными мечтаниями. И – что было уж совсем странно и неожиданно – вся его служебная деятельность, все то, из-за чего он волновался, на что тратил столько сил, уходило куда-то вдаль, и, казалось, теряло все свое прежнее значение и прежнюю прелесть.

Совсем другие мысли, другие воспоминания, не имеющие ничего общего с «чистотой и порядком», к крайнему изумлению Василия Ивановича, назойливо лезли в голову, и из-за густых клубов дыма, медленно расходившегося в воздухе, выглядывала пара бойких глаз милovidного женского личика, и в воображении рисовались, точно дразнили, заманчивые картины, полные тихого счастья и радостной личной жизни.

VII

И он писал бы теперь письма, нетерпеливо ожидая возвращения в Россию, если бы жизнь побаловала его женскою привязанностью... А ее-то и не было до сих пор, несмотря на его старания завоевать женское сердце. Почему?.. Кажется, он мужчина ничего себе, человек нелегкомысленный, привязчивый, не злой, ну, и в некотором роде с положением, – и все-таки счастье ему не давалось.

Так думал, не без горького чувства, Василий Иванович, вспоминая свой последний неудачный кронштадтский «роман». И, как нарочно, все малейшие подробности того дня, в который он решился сделать предложение, оживали в его памяти, точно все это было не три года тому назад, а вчера...

С каким страхом и волнением остановился он в то памятное весеннее утро перед этим маленьким домиком в Галкиной улице, куда он так часто ходил по вечерам сыграть в пикет с господином Купоросовым, старым вдовцом, инженер-механиком, и поболтать после пикета с Сонечкой, его единственной дочкой.

Он два года ходил в этот дом, привязываясь все более и более к молодой девушке, и, наконец, решился объяснить. Как нерешительно он дернул звонок, простояв несколько минут в раздумье у крыльца!.. Ему отворил двери сам господин Купоросов, худенький, сухонький, бравый и подвижной старик лет пятидесяти с хвостиком, и удивленно взглянул на Василия Ивановича, явившегося в будни в неурочный час, вдобавок в вицмундире и в расстроенных чувствах, словно после только что полученного «разноса» от начальства. А Василий Иванович пуще сконфузился от этого удивленного взгляда, объявил, что зашел по пути, собираясь сделать кое-кому визиты, и после четверти часа неклеившегося разговора о морских новостях и назначениях, о которых еще вчера вечером сообщал господину Купоросову, неожиданно выпалил, пыхтя и отдуваясь, что пришел просить руки его дочери.

Старый механик тогда понял, почему Василий Иванович в вицмундире, и не удивился предложению. Он крепко пожал руку претенденту, поблагодарил за честь, сказав, что был

бы рад такому зятю, и вышел, весело проговорив своим приветливым баском: «Сейчас пошлю к вам Сонечку. Дай вам бог попутного ветра!»

Вот тогда-то и напала на Василия Ивановича настоящая робость, – куда больше той, какую испытывал он в ожидании адмиральских смотров!

С замиранием сердца ждал он прихода этой полненькой, кругленькой, хорошенькой брюнетки Сонечки, всегда приветливой, ласковой, весело слушавшей комплименты по уши влюбленного Василия Ивановича и дружески принимавшей подарки от своего поклонника, которого шутя называла «милым, хорошим дядюшкой». Напрасно старался он приободриться и уж совсем некстати взглянул в зеркало, чтобы поправить свои щегольские височки! Зеркало отразило такое ошалевшее лицо, такой ярко пылающий крошечный носик, приютившийся среди багровых щек, что Василий Иванович поскорей отвел глаза, словно бы увидал чужую, неприятную физиономию...

Она что-то долге не приходила. Прошло

минут пять, а Василию Ивановичу казалось, что прошло много времени. Ее все нет. «Верно, рассердилась!» – подумал он, и сердце его упало.

Наконец двери тихо скрипнули, и она впорхнула, свеженькая, веселая, ласковая, как всегда, в светленьком платье. С приходом ее словно просветлела гостиная, и радостная надежда оживила Василия Ивановича. Он порывисто дернулся с кресла, расшаркался ножкой по всем правилам, преподанным стариком Эбергардтом [16] еще в морском корпусе, поцеловал, по-старинному, беленькую, пухленькую с яминками ручку и... снова «ошалел», до того ошалел, что не мог произнести ни слова и стоял как пень. («Это-то и не нравится женщинам! Не ошалею я вначале, быть может не посадила бы она меня на мель!» – мысленно утешал себя теперь Василий Иванович, вспоминая свою застенчивость.) А Сонечка между тем, как настоящая барышня, да еще получившая воспитание в лучшем кронштадтском пансионе, как будто и не замечает, что Василий Иванович совсем сконфужен, и давай щебетать, словно канарейка, своим

звонким голоском: «Хорошая ли погода? Не свежий ли сегодня ветер? Она собирается пройтись немного перед обедом. Будет ли Василий Иванович в четверг на балу в клубе? Конечно, будет! Она тоже собирается, она будет в новом платье из китайского крепона, *grose de Chine* [17], что осенью привез Макар Игнатъевич... Вы ведь знаете Макара Игнатъевича Подшипникова? Он – папин товарищ, механик. Подшипников много привез прелестных вещей... Катеньке Кочерыжкиной подарил прехорошенькие бразильские мушки для серег». Она все продолжает щебетать про клуб, про погоду, про Подшипникова и Катю Кочерыжкину, а Василий Иванович все молчит, как бревно, да пыхтит, взглядывая на Сонечку не то умоляющим, не то растерянным взглядом. «Да что вы сегодня странный какой, Василий Иванович! Что с вами?» – спрашивает, наконец, Сонечка. Что с ним?! Василий Иванович снова получает дар слова, чувствуя вдруг прилив необыкновенной храбрости. «Вы интересуетесь, Софья Семеновна, знать, что со мной. Интересуетесь?» И, не дождавшись ответа, Василий Иванович

ставит все паруса. Все равно, выхода нет... Он начинает издалека, рассказывает, как рос, не зная ласки, оставшись сиротой, как тяжело жить на свете без привязанности... Служба, конечно, занимает, но служба еще не все... Человеку хочется другой, более полной жизни, хочется...

Что-то вдруг защекотало у него в горле от нахлынувшего чувства, умиленный взгляд затуманился слезой, и он снова потерял дар слова, чувствуя потребность в носовом платке и не зная, доставать ли платок, или продолжать. А Сонечка вся притихла, замерла – ждет, и с лица ее сбежала улыбка... Василий Иванович между тем полез за платком, ищет его по карманам, а платка нет – подлец вестовой забыл положить!.. И Василий Иванович снова теряется и робеет. Он оставляет, наконец, поиски за платком, предоставляя нескольким предательским слезинкам упасть на орден св. Станислава, одиноко украшавший его грудь, и с отвагой отчаяния, без дальнейших предисловий, объявляет, что любит давно Сонечку и просит быть его женой, обещая положить за нее душу.

Проговоривши эти слова, он опускает голову; словно подсудимый в ожидании приговора.

Сонечка, как водится, слегка ахнула от неожиданности (хотя господин Купоросов, как доброжелательный отец, предупреждая дочь, почему Василий Иванович пришел в будний день в эполетах, советовал не пренебрегать партией и не смотреть на то, что у Василия Ивановича подгулял нос. «Не с носом, Сонечка, жить, а с человеком!»), потом глубоко вздохнула, бросая грустный взгляд на лысину Василия Ивановича, блестящую крупными каплями пота, и тихо, тихо, точно вместо толстенького и кругленького Василия Ивановича перед ней сидел тяжело больной, с которым нельзя говорить громко, – промолвила: «Благодарю вас, дорогой Василий Иванович, за привязанность. Я всегда уважала вас, как друг, как сестра, но...»

И вместо окончания фразы – заплакала.

Тут уж Василий Иванович совсем пришел в себя и стал просить прощения, что смел огорчить Сонечку. Он так горячо извинялся, выставляя себя чуть не извергом за то, что по-

любил Сонечку («Ну, не болван ли!») – снова сделал Василий Иванович мысленную вставку, вспоминая эти извинения), с таким азартом упрашивал забыть его слова, что Сонечка очень быстро и с видимым удовольствием простила Василия Ивановича, утерла глазки и снова повела речь об уважении и о чувствах сестры... Но бедному Василию Ивановичу, при всей его доброте, одних таких чувств было недостаточно; он рассеянно слушал эти утешения и, убедившись, что Сонечка настолько успокоилась, что уже улыбается и снова заводит речь о четверговом бале, торопился уйти и даже не поцеловал на прощанье дружелюбно протянутой ручки, а только крепко, крепко ее пожал. «Надеюсь, мы по-прежнему останемся друзьями?» – спросила безжалостная Сонечка. Василий Иванович вместо ответа взглянул на Сонечку взором, полным любви, и торопливо вышел.

В прихожей пришлось, однако, замешкаться. Василий Иванович что-то долго не мог всунуть руку в рукав пальто и как-то глупо улыбался, слушая конфиденциальный шепот старика Купоросова, помогавшего Василию Ива-

новичу надеть пальто. Купоросов советовал не отчаиваться. «Сонечка у меня взбалмошная девчонка, Василий Иванович!.. – таинственно говорил старый механик. – Ума настоящего нет, а одна фантазия. Сегодня: „стоп машина!“, а завтра: „полный ход вперед!“ – известно, женское ведомство!.. Да вы все не туда руку суете, Василий Иванович. Ну вот, теперь попали!.. Я, конечно, неволить Сонечку не стану, не мне выходить замуж, но будьте уверены, что я – за вас, Василий Иванович! Быть может, завтра же ветер переменится!» – прибавил он, дружески подмигивая глазом и пожимая обеими руками руку Василия Ивановича. «Да не забывайте нас, Василий Иванович!» – крикнул господин Купоросов уже вдогонку с крыльца.

Однако Василий Иванович совсем приуныл, не показывался даже в клуб, ходил только на вооружение фрегата и допекал шкипера, требуя для своей фок-мачты троса с иглочки.

Только через месяц Василий Иванович собрался навестить Купоросовых – узнать, не переменился ли ветер. Он решил на этот раз

тщательно скрывать от Сонечки свои чувства и держать себя так, как будто отказ не произвел на него большого впечатления. («Чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей!» [18]) Вернувшись с фрегата, Василий Иванович тщательно приоделся, попрыскался духами, подчесал височки я, сказав Антонову, что дома чай пить не будет, вышел из офицерских флигелей, насвистывая для храбрости любимый свой мотив из «Роберта-Дьявола». Уж он подходил к Галкиной улице, как вдруг увидал идущую по другой стороне улицы Сонечку с мичманом Душкиным, молодым, кудрявым, бойким блондином, давно уже возбуждавшим в Василии Ивановиче ревнивые чувства. Оба они так весело, счастливо смеялись, так дружно и любовно шли рука в руку, что Василий Иванович тотчас же перестал свистать и хотел было постыдно дать тягу, сделав «поворот оверштаг» в ближайший переулок, но, к сожалению, было поздно уже. Он не успел еще положить «руля на борт», как Сонечка заметила его и, окликнув, приветливо махнула голубым зонтиком. Он храбро пересек улицу, сни-

мая издали фуражку, и подошел к молодым людям. Они как-то вдруг притихли, точно боялись огорчить его видом своего неудержимого счастья. Но счастье так и рвалось наружу с обоих этих молодых, свежих, радостных лиц, озаренных лучами весеннего солнышка, и Василий Иванович сразу почувствовал, что «ветер переменялся», но только не для него.

«Вы не к нам ли? – защебетала Сонечка. – Так папы нет дома. Он сегодня с первым пароходом уехал в Петербург, и мы идем на пристань встречать его. – И затем тихо прибавила: – А вы совсем нас забыли, Василий Иванович! И поздравить меня не хотели!» – «Поздравить?! С чем поздравить?» – спрашивает упавшим голосом Василий Иванович. «Разве вы не знаете? Ведь я выхожу замуж!» – прибавляет Сонечка, и голос ее звучит радостно.

Нужно ли спрашивать: за кого? Василий Иванович заметил, каким взглядом посмотрела Сонечка на молодого мичмана, и самоотверженно поздравил невесту и жениха. «Дай бог вам всего... всего хорошего, Софья Семеновна!» – проговорил он, пожимая ее руку, и вслед за тем раскланялся. «Разве вы не с на-

ми?» – «Нет, нужно зайти в один дом!» – соврал Василий Иванович и тихо побрел домой.

Белобрысый Антонов от нечего делать тренькал на балалайке, сидя у ворот, когда совершенно неожиданно завидел возвращавшегося барина. Он сразу заметил, что Василий Иванович «заскучивши», и потому необыкновенно скоро изготовил самовар. Долго пел самовар свою жалобную песенку, а Василий Иванович не обращает на него никакого внимания и ходит себе взад и вперед по комнате, слегка опустив голову и заложив за спину руки, словно коротаает вахту. «Прикажете заварить, ваше благородие?» – осторожно спрашивает вестовой, высовывая голову в двери. Ответа нет. Тогда Антонов убирает самовар и скоро опять вносит его шумящим на славу. «Верно, теперь он его услышит!..» Уже стемнело, вестовой принес лампу и в изумлении увидел, что чай не заварен, а Василий Иванович все ходит. Облапив самовар, Антонов опять скрывается и через минуту несет старенький байковый халат. «Не прикажете ли халат подать, ваше благородие?» – участливо спрашивает он и, получив в ответ отри-

цательный кивок головой, снова исчезает, несколько смущенный, так как ему показалось, будто на глазах у барина слезы. Часу в первом ночи Антонов опять просунул в двери свою голову, затем появился весь и уже настойчиво проговорил: «Спать пора, ваше благородие!» Но Василий Иванович, видевший все проделки своего вестового, не посылает Антонова к черту, а ласково говорит: «Ложись спать, Антонов!»

Так до утра прошагал Василий Иванович, передумывая о своей неудаче, и, переодевшись в старый сюртук, пошел в шестом часу утра в гавань, на фрегат.

Теперь вдруг, вдали от родины, Василию Ивановичу почему-то припомнилась вся эта история, давно забытая в служебной сутолоке, в вечных заботах о клипере. «Зачем?.. Бог с ней, с этой Сонечкой!.. Он, кажется, не особенно исправный человек, этот мичман! Перешел зачем-то в Черное море... увез жену!.. Только и есть славы, что умеет нравиться женщинам!..» – не без досады подумал Василий Иванович, закуривая новую папироску.

– И ведь второй раз, однако, отказали! –

проговорил вслух Василий Иванович и продолжительно вздохнул не то от обиды, не то от жары. «И словно сговорились эти чертенки: обе, натянувши ему нос, предлагали свою дружбу, точно он и в самом деле годится лишь в друзья... Благодарю-с покорно! Он на это не согласен... Он, если по совести рассудить, конечно, не Аполлон там какой-нибудь, а все-таки ничего себе мужчина... Разумеется, ничего себе и даже очень ничего!» – еще раз мысленно оценивает себя Василий Иванович и машинально приглаживает свои щегольские рыжие височки.

«И время еще есть, если на то пошло, чтобы скрасить свое одинокое существование!.. Слава богу, сорок лет – еще не старые годы... Мужчина в самой поре. Что ему помешает жениться по возвращении в Россию, а?.. Он будет капитан-лейтенантом; может быть, и суденышко третьего ранга дадут... Командир... Столовые и все такое... Только не надо, брат Василий Иванович, „запускать глазенапа“ на очень молоденьких!.. Надо выбрать какую-нибудь этакую черноглазую, свеженькую, полненькую (Василий Иванович одобрял

именно полненьких) брюнеточку, с усиками на губках, с эдаким задорным носиком, лет эдак двадцати пяти, шести... Такие девушки тоже имеют свою прелесть и, главное, понимают жизнь, не бросаются на человека зря, из-за одной только физиономии, а ищут и душу...»

Несколько успокоенный мечтами об этой проблематической «брюнеточке» с «усиками на губках», которую он полюбит по возвращении в Россию, и в то же время предвкушая удовольствие, в ожидании «брюнеточки», увидеть сегодня же на берегу ее, так сказать, суррогат в образе каначки, Василий Иванович развязывается с воспоминаниями и кричит повеселевшим голосом:

– Эй, кто там есть! Антонова послать!

– Здесь, ваше благородие! – отвечает Антонов, подбегая на рысях к Василию Ивановичу.

– Подай-ка, братец, закусить чего-нибудь да бутылку портеру.

– Есть, ваше благородие! – весело говорит Антонов, довольный, что барин перестал «скучить», и с быстротой расторопного вестового приносит и ставит перед Василием Ива-

новичем его обычную утреннюю закуску: сыр, хлеб и портер...

– Карла Карлыч! Кончили писать? – кричит Василий Иванович, не слыша более скрипа пера из докторской каюты. – Не угодно ли портерку?

– Danke schon [19], Василий Иванович! – откликается доктор. – Я еще не совсем готов...

– Прислать, что ли, в каюту стаканчик?

– Danke schon, Василий Иванович... Не беспокойтесь... Через четверть часа я буду готов, если позволите, приду выпить стаканчик стауту [20].

– Ладно, Карла Карлыч!

«Эк его, однако, расписало сегодня!» – улыбается Василий Иванович и с наслаждением проглатывает стакан любимого напитка, закусывая куском мягкого, сочного честера [21].

– Антонов! Достань-ка еще бутылочку да подай стакан для Карла Карлыча, а потом принесешь мне сигару... Постой... постой! – остановил Василий Иванович готового бежать вестового: – сигару мне дашь из того ящика, что в Сан-Франциско покупали... Знаешь?

– Знаю, ваше благородие...

– Ну, и молодец, что знаешь! – шутит Василий Иванович. – Завтра я куплю форсистый платок для твоей бабы... Завтра, быть может, и письмо от нее получишь... Что-то давно не было...

– Верно, все, слава богу, дома благополучно, ваше благородие! – отвечает добродушный Антонов со своим обычным философским оптимизмом и уходит из кают-компании, провожаемый ласковым взглядом Василия Ивановича.

VIII

Вслед за короткими сумерками, сменивши-
ми ослепительный блеск тропического
дня, темный вечер опустился над островом,
скрыв от глаз, почти внезапно, его роскош-
ную красоту. Там, где, купаясь в зелени, белел
город, теперь в темноте замелькали огни. До-
ма у пристани казались какими-то фантасти-
ческими тенями неопределенных очертаний.
Стоявшие на рейде корабли чернели испо-
линскими силуэтами с огненными глазами
на мачтах, которых верхушки терялись во
мраке. Но рейд еще жил. Огоньки невидимых
шлюпок, оставлявших за собой яркий след в
виде фосфорических лент, то и дело бесшум-
но скользили взад и вперед по рейду, и гор-
танная канацкая песня, говор и смех наруша-
ли порой тишину этой нежной, волшебной
ночи. Потемневший океан по-прежнему был
спокоен и дремал под тихий ропот своей пе-
реливающейся зыби. Миллионы ярких звезд
засветились в темно-синей выси, и среди них
особенно красиво сияла, испуская нежный,
тихо льющийся свет, красавица южного

неба – звезда Креста.

– Экая благодать господня! – тихо говорит матросы, рассыпавшись кучками по палубе.

Проспав до позднего вечера тем крепким, безмятежным сном, каким спалось только на рейде, Василий Иванович собрался, наконец, на берег, заранее пригласив Карла Карловича поужинать вместе. Доктор, уехавший на берег тотчас после обеда, охотно согласился и обещал занять для Василия Ивановича хорошенький номер в гостинице. Карл Карлович никогда не отказывался от ужина с тонкими винами, особенно если не ему приходилось платить, и любезно исполнял роль переводчика, когда у Василия Ивановича «заедало», как он выражался на морском жаргоне, при объяснениях на иностранных диалектах с дамами, разделявшими их компанию. Случалось, сам Карл Карлович, помогая товарищу, увлекался до того, что забывал роль переводчика, и говорил дамам любезности от своего лица, оправдывая свою мимолетную неверность фрейлейн Амалии соображениями чисто медицинского характера, и Василий Иванович всегда его успокаивал, подтверждая со-

ображения доктора собственной теорией о необходимости «давать толчки природе». Как люди солидные, они умели держать про себя свои маленькие секреты и, разумеется, никогда не рассказывали в кают-компании о своих ужинах; вот почему и тот и другой охотно ужинали иногда вместе.

Пробило восемь склянок (восемь часов), когда Василий Иванович, одетый в легкую чечунчу, в индийской каске, обвитой кисеей, и с тросточкой в руке, вышел наверх, распространяя вокруг себя тонкий аромат духов.

Вахтенный гардемарин проводил старшего офицера до выхода. Два матроса (фалгребные) с фонарями в руках освещали спусковой трап. Простившись с вахтенным, Василий Иванович быстро спустился к ожидавшему вельботу.

– Отваливай! – проговорил он, садясь в шлюпку.

После нескольких дружных ударов весел вельбот быстро понесся вперед, рассекая воду, под равномерный, отрывистый всплеск весел и глухой их стук об уключины. Матросы гребли, как артисты своего дела. Все семь че-

ловек, как один, следуя за «загребным», одновременно откидываясь назад, загребали веслами и затем снова наклонялись вперед, держа перед новым гребком несколько секунд неподвижно вывернутые плашмя лопасти, с которых брызги воды сыпались в темноте брильянтами.

– Шабаш! – тихо скомандовал Василий Иванович, любовавшийся все время греблей, когда минут через десять шлюпка приблизилась к освещенной пристани.

Весла словно сгорели, и все гребцы сидели неподвижно на банках, за исключением последнего, на носу, который с крюком в руках стоял наготове остановить разбежавшуюся шлюпку. Вельбот плавно подошел к пристани, не коснувшись ее. Василий Иванович умел отлично приставать.

– По чарке водки пей завтра за меня, ребята! – весело промолвил старший офицер, выскакивая со шлюпки.

– Покорно благодарим! – отвечал за всех загребной – молодой, красивый, здоровый матрос, ускоренно дыша своей широкой раскрытой грудью. – Прикажете дожидаться, ва-

ше благородие?

– Нет. Поезжай, братцы, на клипер!

– Дозвольте, ваше благородие, сбегать двоим фрухты купить? – попросил тот же матрос.

– Купи, купи, братец... Только водки, смотри, не покупай...

– Никак нет, ваше благородие!

Василий Иванович останавливается на набережной, любопытно озираясь.

На набережной оживление. Напротив пристани два жалких ресторана, и тут же, под легкими навесами из широких листьев, помещаются фруктовые лавочки, освещенные цветными фонарями.

Живописными группами рассыпались здесь гуляющие: чернокожие канаки, одетые, полуодетые и совсем раздетые, с куском какой-то тряпицы, опоясывающей чресла; каначки в своих легких, ярких тканях, надетых на голое тело и плотно облегающих, обрисовывая формы женского торса; английские, французские, голландские и немецкие матросы с китобойных судов, часто зимующих в Гонолулу, в белых рубахах, в шапках на затылках, с ножами, висящими на длинных

ремнях, прикрепленных к поясам.

Среди этой толпы идет шумный говор на все языках и раздается пьяный космополитический смех. Матросы-китобои любезничают на разные лады с развязными и снисходительными шоколадными красавицами, которые задорно смеются, показывая свои ослепительно-белые зубы. Чудное звездное небо, кротко глядящее сверху, и нежный, ласкающий вечер располагают, по-видимому, людей не стесняться. И тут не стесняются. Раздаются звонкие поцелуи и делаются пантомимные объяснения в любви, напоминающие первобытного человека... Понимающие друг друга пары без слов, при помощи какой-нибудь серебряной монеты, без церемоний удаляются, обнявшись, в темнеющую в двух шагах густую листву при веселом, одобрительном смехе этих необыкновенно добродушных, приветливых черномазых канаков, которых предки не особенно давно съели Кука [22].

Двое матросов с вельбота торгуют фрукты у молодой толстогубой туземки с ребенком на руках, которого она кормит своей огромной черной грудью. За десятицентовую монетку

каначка дает несколько связок душистых бананов и десяток крупных апельсинов и не в счет предлагает по апельсину каждому.

– А ведь ничего себе баба?.. – говорит молодой загребной, обращаясь к товарищу.

– Убористая шельма!.. – отвечает, смеясь, товарищ.

– Ты, молодка, бон [23] баба! – обращается молодой матрос к каначке и игриво треплет ее по плечу... – Тре-бон!.. [24] Понимаешь?..

В ответ каначка улыбается, говорит что-то на своем гортанном языке подошедшей старой женщине и отдает ей ребенка.

– Не понимаешь? Вери гут, голубушка! – продолжает матрос, подмигивая ухарски глазом и выпячивая вперед грудь.

Каначка смеется и ласково озирает молодого краснощекого матроса своими большими черными, влажными глазами. Потом наклоняется к нему, гладит нежно рукой по его лицу и тихо говорит, коверкая слова:

– You are very handsome! [25]

И снова смеется, скаля зубы.

– А ведь ты, Николашка, понравился черномазой! – не без зависти восклицает его то-

варищ.

– А что ж?.. Ей-богу, братец, ничего себе баба! – хохочет Николашка, обхватывая рукой талию шоколадной сирены.

Она, по-видимому, довольна авансами матроса. Закрыв глаза, она вдруг дарит своего поклонника долгим поцелуем, затем отступает назад и, указывая рукой в глубь улицы, манит его куда-то...

– Ишь ты, шельма!.. Николашка! Она, брат, приманивает! – смеется его товарищ. – Некогда нам, мамзель! – обращается он к черной красавице. – Ужо жди завтра... морген... как на берег спустят... Понимаешь?

Но каначка ничего не понимает и вопросительно глядит на матроса, несколько сконфуженного слишком откровенным выражением ее симпатии.

Тот, в свою очередь, несколько раз повторяет «морген» и снисходительно треплет ее по спине. Она, кажется, поняла, весело кивает головой и сует матросу несколько апельсинов. Но матрос не берет.

– Однако адью, черномазая! Морген! – ласково говорит Николашка, протягивая на про-

щанье руку.

Повернувшись, матросы увидели перед собой Василия Ивановича, который любопытными глазами наблюдал за этой сценой. Николашка конфузится. Оба они отдают честь, прикладывая пятерни ко лбу, и топчутся на месте.

– Что, ребята, фрукты покупали?

– Точно так, ваше благородие! – отвечает Николашка и, принимая вдруг степенный вид, прибавляет: – Совсем бесстыжий народ, ваше благородие... Счастливо оставаться, ваше благородие... Валим, брат, на вельбот, – озабоченно обращается он к товарищу, и оба торопливо уходят.

Василия Ивановича манит широкая полутемная аллея впереди. Ужинать еще рано, да и грешно в такой дивный вечер сидеть в комнате – лучше побродить! Он осведомляется у встречного «каптэйна», где гавайский отель, чтобы ориентироваться. Оказывается, что гостиница в двух шагах, на набережной, за консульскими домами... Василий Иванович благодарит и медленным шагом направляется в аллею.

Гуляющие встречаются часто. Словно тени, мелькают в темноте людские фигуры, вдруг освещаемые, попадая в полосу редких фонарей вдоль аллей. Тихий говор и смех таинственно разносятся в воздухе. Порой раздастся лошадиный топот, и при громком смехе галопируют женские фигуры каначек, сидящих верхом по-мужски. Из-за темной листвы мелькают огоньки канацких домиков, спрятавшихся среди приземистых раскидистых банановых деревьев и стройных пальм. Цветные фонари у порогов освещают семейную идиллию чернокожих семейств, сидящих группами у раскрытых дверей.

Василий Иванович вдыхал полной грудью чудный воздух, полный раздражающего аромата юга, и его охватило мечтательное настроение с оттенком некоторой игривости.

– Право, эти шельмы каначки вовсе не так противны! – прошептал он, вспоминая молодую торговку фруктами, кокетничавшую с загребным. – Они куда лучше малаек, от которых за версту несет кокосовым маслом!

И Василий Иванович продолжал бродить наугад, вглядываясь в встречавшихся жен-

щин с любопытством влюбленного кота. Он заглянул в открытые двери маленького ресторана, где играли на бильярде капитаны-китобои, окруженные любопытными зрителями-туземцами, зашел потом под навес какого-то освещенного сарая и, пробравшись сквозь толпу, смотрел, как танцевали национальный танец «уле-уле», полный страсти и неги, снова вышел на воздух и попал в какую-то полутемную аллею, готовый на всякие авантюры, приличные его солидному возрасту...

Нежное, заунывное женское пение, раздавшееся вдруг из-за деревьев, заставило Василия Ивановича остановиться и повернуть голову. Из-за листвы, среди цветных фонарей, повешенных на деревьях, выглянул маленький белый домик, крытый зеленью, и вслед за тем на пороге показалась темнокожая певунья в белом европейском капоте, нескромно распахнувшимся на груди.

Василий Иванович любопытно придвинулся поближе, жадными глазами пожирая певицу. Она была не очень черна и походила скорей на креолку, чем на каначку. Черты ее

лица показались Василию Ивановичу положительно красивыми. Вдобавок она была стройна, хорошо сложена и достаточно полна.

Пение скоро прекратилось. Перегнувшись с ленивой грацией, темнокожая дама сорвала банан и начала медленно его есть, прикусывая плод зубами, сверкавшими из-под ярко-красных, пышных губ. Василий Иванович придвинулся еще ближе, не замечая, что вступил в полосу света, бросаемого фонарем, и как-то усиленно подсапывал носом, сдерживая дыхание. Простояв несколько минут, он осторожно попятился назад, собираясь уходить, как вдруг тихий, ласковый смех остановил его на месте. Неужели она его заметила? Он взглянул на незнакомку. Она приветливо наклонила голову в его сторону, делая грациозный манящий жест своей темной оголенной рукой, на которой блестела серебряная змейка браслета.

В первую минуту Василий Иванович оробел и нерешительно топтался на месте.

– Идите, идите, не бойтесь! – раздался певучий грудной голос, медленно выговариваю-

ций английские слова, и вслед за тем престная незнакомка ленивым движением руки запахнула обнаженную грудь.

Василий Иванович больше не медлит. Он подходит петушком, любезно расшаркивается и млеет в молчании, недоумевая, к кому он попал.

А дама, ласково улыбаясь, протягивает ему руку и приглашает его, если он хочет, заглянуть в ее скромную хижину. Василий Иванович раскланивается в знак полного своего согласия, несколько раз повторив выразительно «о, yes» [26], и вслед за незнакомкой входит в небольшую, довольно чистенькую комнату с несколькими плетеными стульями и диваном около круглого стола, с фотографиями на чисто выбеленных стенах, с большой, пышной кроватью в углу, задернутой наполовину мустикеркой [27].

– Пожалуйста, садитесь... Очень рада вас видеть...

И с этими словами дама уходит и через минуту возвращается с тарелкой бананов и апельсинов, которую ставит перед Василием Ивановичем, приглашая их отведать.

Затем опускается на маленький плетеный диванчик напротив и спрашивает:

– Вы, должно быть, голландец?.. Китобой?

– Нет, нет... Русский, – энергично протестует Василий Иванович, несколько обиженный, что его приняли за голландца, да еще китобоя...

– Русский? С военного клипера, который пришел вчера? – с возрастающим интересом спрашивает незнакомка.

– О, yes! o, yes! – повторяет Василий Иванович, все еще не зная, «на какой румб ему держать» с этой гостеприимной и очаровательной дамой.

Дама между тем выражает живейшее удовольствие, узнав, что перед нею русский офицер, и в доказательство протягивает и крепко жмет руку русского офицера. Она встречалась с русскими. В прошлом году, когда сюда заходил корвет «Vierny», она познакомилась с несколькими офицерами... Они очень милые и добрые джентльмены, эти русские... совсем не похожи на тех страшных людей, которые – как ей прежде говорили – живут далеко, далеко отсюда, в стране, где вечный холод и где с

людьми обращаются, как с животными. Она теперь знает, что это неправда... Только фамилии у них такие трудные, всех не припомнишь... Впрочем, позвольте... Mister Sitnikoff... и еще Mister Bourkoff...

– Вы знаете этих джентльменов?..

– Как же, знаю... О, yes! Славные эти русские офицеры!.. Они выучили меня говорить несколько русских слов.

И, видимо, желая щегольнуть знанием этих русских слов, молодая женщина с наивной серьезностью, стараясь выговаривать как можно яснее, произнесла своим нежным, певучим голосом несколько самых неприличных слов из русского лексикона.

– Ваши офицеры говорили, что это значит: «Как ваше здоровье?..» Я верно произношу – не правда ли?..

Василий Иванович несколько конфузится и мысленно ругает мистеров Ситникова, Буркова и других соотечественников с более трудными фамилиями, оставивших за далекими морями следы русского просвещения в такой своеобразной и чаще всего практикуемой моряками ферме. Не без затруднений

объясняет он на своем собственном английском языке, что эти слова означают не то... Она не так произносит их...

Однако английский язык Василия Ивановича понимается дамой, по-видимому, не совсем удовлетворительно, и потому она считает более удобным говорить самой... Она вдова; зовут ее Эмми...

– Хорошее имя Эмми! – храбро вставляет Василий Иванович.

– Да?.. Вам нравится? – улыбается миссис Эмми, продолжая сообщать свою автобиографию.

Муж ее недавно умер... Он был богат, имел несколько плантаций, но разорился перед смертью, так что она теперь – бедная женщина. Она сама не каначка... нет!.. Она – креолка... Отец ее был американский матрос, давно поселившийся в Гонолулу, а мать – каначка...

В свою очередь и Василий Иванович не совсем отчетливо понимает темную вдову и частью словами, частью пантомимой просит ее спеть что-нибудь – она так хорошо пела.

Миссис Эмми охотно поет несколько песен, и поет их превосходно. А Василий Ивано-

вич слушает, склонив несколько набок голову и бросая по временам умильные взгляды на темно-смуглую красавицу. Она, кажется, замечает эти взгляды и ласково улыбается доброй, простодушной улыбкой, открывая при этом свои ослепительные зубы.

– Нравится вам? Это все канацкие песни! – говорит она, окончив пение.

Пора, однако, уходить, и Василий Иванович поднимается. Ему хочется выразить молодой женщине благодарность за доставленное удовольствие, хочется извиниться за то, что так бесцеремонно явился к ней, и вместе с тем попросить позволения еще раз навестить ее; но, к крайнему его сожалению, запас английских слов, которыми он владеет, оказывается недостаточным, да и знакомые слова как-то плохо складываются в фразы, так что бедному Василию Ивановичу вместо горячей речи невольно приходится ограничиться несколькими прилагательными и пантомимами, вроде прикладывания руки к сердцу. Покончив с этою трудною частью задачи, Василий Иванович, «волнуясь и спеша», достает из кармана золотую монету, незаметно кла-

дет ее на окно и окончательно расшаркивает-ся.

Молодая женщина, однако, заметила монету и, несколько удивленная, возвращает ее назад.

– Не за что! – значительно говорит она и как-то странно смеется.

Бедный Василий Иванович совсем сражен и не знает, как ему быть... Решительно он какой-то пентюх с женщинами.

Тогда миссис Эмми, словно угадывая мысли Василия Ивановича, промолвила:

– Куда ж вы? Разве уж соскучились со мною?

– О нет, нет, нет! – энергично протестовал Василий Иванович. – Черт его дери, этот английский язык! – невольно прибавил он по-русски, досадуя, что не может более подробно выразить свои чувства.

Напрасные заботы! И застланный, томный взгляд его маленьких, еще более сузившихся глазок, и достаточно глупая улыбка раскрасневшегося лица красноречивее всяких слов свидетельствовали об его чувствах.

И миссис Эмми, по-видимому, отлично по-

няла их, потому что подарила Василия Ивановича таким ласковым взором, что после него Василий Иванович вдруг приосанился, выставил ножку вперед и не без кокетства стал крутить усы, поглядывая на миссис Эмми без прежней робости.

– Ну, садитесь, дорогой гость. Я вам еще спою несколько наших песен...

И Василий Иванович остался слушать песни.

Прощаясь через несколько времени с миссис Эмми, Василий Иванович обещал навестить ее на другой день... Она так хорошо поет!.. Можно?.. – спрашивал он, ломая английский язык уже с меньшим стеснением.

Разумеется, можно... Она всегда дома и рада будет видеть такого милого гостя. Домик ее легко найти... стоит только спросить миссис Эмми... Найдет ли он дорогу в гостиницу? Она проведет его до ближайшей улицы.

Они вышли вместе, отлично теперь понимая друг друга. На повороте они остановились. Миссис Эмми указала, куда идти, подарила на прощанье звонкий поцелуй и скрылась в темноте, крикнув ему вслед слово: «ду-

шенька!», которому успел уже ее выучить Василий Иванович, пожелавший в свою очередь приобщить прелестную туземку к отечественному языкознанию.

С видом победителя, весело мурлыкая себе под нос какой-то мотив, шел Василий Иванович к огонькам фонарей, мелькавших на набережной. «Кто мог ожидать, что наклюнется такое приключение... Эта Эмми очень недурна... Очень! То-то Карла Карлыч удивится, когда узнает!»

Вот и гостиница, освещенная среди темного сада, с высокими деревьями, на которых дрожит свет огней.

– Эка, как славно в саду! – говорит Василий Иванович, направляясь к открытым настежь дверям.

Смуглолицый, сухощавый, подвижной старик француз с коротко остриженной седой головой и горбатым носом, сидевший в конторе, радушно приветствовал Василия Ивановича и тотчас же произвел его в капитаны. Взяв ключи и лампу, он повел Василия Ивановича по устланной коврами лестнице во второй этаж и не умолкал ни на секунду, знакомя Ва-

сила Ивана вкратце с главнейшими эпизодами своей бурной эпопеи. Когда он ввел «капитана» в прохладный, роскошный номер в конце коридора, Василий Иванович уже знал, что этот уроженец Аркашона [28], дезертировавший в 1826 году от военной службы в Америку, был сперва парикмахером в Нью-Йорке, затем помощником капитана и капитаном китобойной шкуны, далее – извозчиком в Сиднее, золотоискателем в Калифорнии, поваром его величества гавайского короля Камеамеа и в настоящую минуту состоит хозяином гавайского отеля.

– Чем могу служить господину капитану? – любезно заключил он, подавая Василию Ивановичу карту...

Василий Иванович проголодался после прогулки. Просматривая названия блюд, он сладко причмокивал сочными губами. Сперва омары, соус *poivrade* [29], а дальше? И ростбиф, и телячьи котлеты, и дикая коза одинаково дразнили его аппетит. Из затруднения его вывел все тот же веселый, словоохотливый гасконец, попросив позволение составить меню хорошенького ужина... Сперва

омары, затем он даст телячью котлету, кусочек дикой козы, зелень, сладкий торт, фрукты и сыр... А какое угодно вино?.. Сперва красное, не правда ли?..

– Нет, мы будем пить шампанское...

– Одно шампанское? Отлично! Господа русские имеют хороший вкус и любят это благородное вино прекрасной Франции! – с чувством воскликнул гасконец, вспомнив родину.

Он может порекомендовать настоящее шампанское, а не ту дрянь, что фабрикуют эти собаки янки в Сан-Франциско... Так, к десяти часам ужин будет подан в комнату для двух персон, и шампанское заморожено. Верно, скоро придет и друг господина капитана, этот ученый доктор в золотых очках, а в ожидании – не позволит ли господин капитан предложить чего-нибудь прохладительного?

– Пожалуй! – согласился Василий Иванович.

– Какого вы мнения насчет cherry soblar [30], капитан? Или вы, как моряк, предпочтете коньяк с содовой водой? Нет? Так cherry soblar! Это, пожалуй, лучше! Сию минуту вы

его получите! – прибавил хозяин и, наконец, откланялся.

Через несколько минут Василий Иванович уже кейфовал, беззаботно растянувшись в просторном лонгшезе у раскрытого окна и потягивая через соломинку холодный напиток. Темная, звездная ночь обдавала его своим нежным, теплым дыханием, навевая ленивые грезы о гонолульском «розанчике». Кругом стояла тишина. Только снизу доносились звуки шумного говора, и порой резкие русские восклицания отчетливо врываются в окно.

– Это, верно, фендрики [31] наши шумят! – проговорил Василий Иванович, улыбаясь сочувственной доброй улыбкой.

IX

Действительно, человек восемь «фендриков», как шутя называл Василий Иванович гардемаринов и кондукторов, изрядно-таки шумели, собравшись в одном из номеров нижнего этажа. Ужин был окончен, но бутылки еще не были допиты. Только что принялись за кофе с коньяком и закурили манилки [32]. Разговоры стали оживленнее и шумнее. Делились впечатлениями проведенного дня, мечтали о скором получении приказа, который даст желанные мичманские эполеты и, как водится, перемывали косточки адмиралу, вспоминая, как он «разносил» во время своего короткого плаванья на клипере.

Когда анекдоты об адмирале были исчерпаны, кофе выпит и кто-то после шампанского потребовал несколько бутылок эля, заговорили о морской службе – этой любимой теме споров юных моряков, для которых морская профессия еще полна была заманчивой прелести, помимо служебных надежд и мечтаний.

– Служба наша, господа, тем хороша, что

закаливает характер, приучает к самообладанию, дает широкий простор власти, – возбужденно заговорил Непенин, прозванный еще в корпусе «Юлкой» за умение очаровывать начальство, – маленький, чистенький, кудрявый брюнет, с первым пушком на румяных щеках и бойкими смеющимися глазами, оживлявшими его красивое лицо. – Прелесть плавания не в том, чтобы любоваться природой... это все вздор! – вызывающе прибавил он с напускным презрением к этому «вздору», бросая взгляд на соседа.

– Что?! Вздор?! Природа – вздор?! – вдруг сорвался его сосед, гардемарин с «задорным вихорком», допекавший старого артиллерииста Фому Фомича за его «допотопные взгляды», отчаянный спорщик и добрейший малый. – Ты после этого, Юлка...

– Сидоров! Не перебивай... Дай Юлке докончить! – закричали со всех сторон.

– Я ему не дам говорить... Пусть он прежде откажется от своих слов!..

– А еще либерал! – насмешливо заметил Непенин. – Восхищаешься английским парламентом и не даешь слова сказать!

Этот аргумент оказывает на Сидорова чарующее действие.

– Ну, черт с тобой, говори, говори! Я после тебе докажу, что ты глуп, если природа – вздор! – не без досады замечает Сидоров.

– Докажешь?! Ты только умеешь ругаться как боцман, а не доказывать!.. – раздраженно кивнул Непенин в досаде, что его перебили... – Да, господа, вся прелесть морской службы именно в торжестве ума, энергии и власти... Разве не заманчиво, черт возьми, быть командиром какого-нибудь красавца клипера, а? Штурм... дьявольский штурм... Клипер под зарифленным фоком, штормовой бизанью и фор-стенга-стакселем... Ты стоишь на мостике и только покрикиваешь рулевым: «Право! Лево! Одерживай!» Разве не наслаждение сознавать, что все зависит от тебя, от твоего умения, от твоей воли, что все, начиная с последнего матроса и кончая старшим офицером, – лишь беспрекословные исполнители и ничего более. Один ты отвечаешь за все и за всех... Ты – царь на своей палубе! – восторженно восклицал юноша, слегка возбужденный вином и своими заветными меч-

тами.

– А главное, Юлка, отличное содержание у капитана. Можно откладывать! – неожиданно вставил внимательно слушавший Непенина плотный, коренастый, скромного вида молодой человек.

Взрыв хохота огласил комнату. Юлка презрительно взглянул на товарища.

– Ну, ты, Нефедка, известный копчинка [33]. Тебе в банкиры идти... Тут не в содержании дело, а в идее власти... Понимаешь? Идея си-лы власти! Разумеется, дисциплина должна быть настоящая... Строжайшая!.. Без этого невозможно... Недаром закон разрешает капитану в исключительных случаях повесить ослушника... Сентиментальности тут по-боку!..

Сидоров уже давно в порыве негодования, сделал из своего вихорка какую-то сосиску, но уважение к английскому парламенту сдерживало его нетерпение задать Юлке «ассаже» [34]. Но, несмотря на пристрастие к парламентским нравам, долее он терпеть не мог и воскликнул:

– Юлка! Ты порешь дичь вроде Фомы Фо-

мича... Нет! Хуже!.. хуже еще!.. Сила власти!.. Дисциплина!.. Ах ты ретроградина! Не желаешь ли ты ради дисциплины восстановить кошки, а? – гремел, снова распуская свой вихор, Сидоров... – Мало ему еще дисциплины... Надо «строжайшую»?! Ишь какой Наполеон на клипере нашелся!.. Того и гляди, господа, обгонит он нас всех по службе – недаром он Юлка, – сделается капитаном и кого-нибудь из нас да повесит!..

– И повешу, если нужно будет! – вызывающе крикнул Юлка, сверкая глазами.

– Ради идеи власти или ради карьеры? – ядовито протянул Сидоров.

– И тебя первого, Сидоров, повешу! Тебя первого, если ты попадешь ко мне под начальство и не исполнишь моего приказа! – проговорил, задыхаясь и злясь, Юлка. – Не посмотрю, что ты товарищ, а вздерну на фока-рее!

– Но прежде все-таки получишь в рожу, Юлка! Верь совести!

Все за столом расхохотались.

Не смеялся только бледнолицый, долговязый блондин, сидевший у окна, положив

свою большую белобрысую голову на ладони и, казалось, погруженный в созерцание звезд, сверкающих на небе. При последних словах Юлки лицо молодого человека омрачилось. Он поднялся с места и медленно направился к столу.

Это был Лесовой, давно прозванный «Мечтателем». В его юношеском худощавом, нежном лице действительно было что-то задумчиво-мечтательное, оправдывавшее кличку, особенно в сосредоточенном взгляде больших серых глаз. Он пользовался среди товарищей авторитетом правдивой души и был любимцем матросов; он постоянно «лясничал» с ними и читал им книжки. Зато в сношениях с начальством напускал на себя суровую холодность заправского кадета, но был исправный служака, страстно любил море и еще в корпусе мечтал о путешествиях и об открытии полюса.

– Ты, Юлка, пьян и врешь на себя! – тихо проговорил он при наступившем молчании. – Разве можно и в шутку говорить такие вещи?!

– Юлка не пьян... Юлка ничего не пил!.. –

вставил Сидоров.

– У каждого, брат, свои убеждения! – уклончиво отвечал Юлка, несколько притихая перед этим серьезным взглядом Мечтателя.

– Повесить?! – с укором проговорил тот, и при этом чувство страха и отвращения исказило его черты.

Он остановился на секунду и продолжал:

– Ударить матроса и то... отвратительно, а ты: «повесить»!

– А если у тебя на судне бунт? – вдруг задал вопрос Юлка.

– Бунт? – переспросил Лесовой с такой серьезностью, точно и в самом деле он очутился в несчастном положении капитана, у которого на корабле свирепствует возмущение.

– Ну да, бунт, форменный бунт! Уж боцмана просвистали: «Пошел все наверх, командира за борт кидать!» – а ты сидишь в каюте и... мечтаешь! – иронически прибавил Юлка, взглядывая с насмешливой улыбкой на Мечтателя.

И все юные моряки, оставив стаканы недопитыми, уставились на Лесового.

В самом деле, как поступит человек, кото-

рого собираются немедленно швырнуть в море?

В виду такой перспективы казалось вполне естественным, что Мечтатель на минуту задумался.

– У Лесового не может быть бунта! – воскликнул Сидоров, видимо более всех сочувствовавший затруднительному положению товарища и не желавший, чтобы такой хороший человек, как Лесовой, вынужден был прибегнуть к насилию. – Против него никогда не взбунтуются! Ты, Юлка, напрасно думаешь смутить его своим дурацким вопросом.

– Пстой, Сидоров! – остановил Лесовой своего защитника... – Я ему отвечу... Я согласен, что мной недовольны и меня хотят бросить за борт... Но кто виноват, что матросы взбунтовались? Разумеется, один я... Понимаешь ли, Юлка, я! – говорил Мечтатель тоном, не допускавшим сомнений в его виновности. – А если виноват я и если я не окончательный подлец, то неужели я еще должен наказывать людей за свою вину?.. Ведь надо сделать много гнусного, чтобы довести людей до бунта...

– Не в том вопрос: кто виноват... Я спрашиваю: как ты поступишь? – торопил Юлка.

– Да, да... Как ты поступишь?.. – раздались нетерпеливые голоса.

– Трудно сказать, как я поступлю, но думаю, что выйду наверх и брошусь в море прежде, чем меня кинут за борт... Смерть лучше жизни, обогрелой кровью других!.. – медленно, словно бы в раздумье, проговорил юноша.

Признаться, ни один из слушателей не ожидал, что Лесовой выйдет из положения столь трагическим образом. Такой исход, видимо, не удовлетворил молодых моряков.

– Ты мог бы уговорить матросов! – предложил поправку Сидоров. – Ты бы сказал им речь... ну, объяснил бы, что вперед будешь обращаться с ними лучше...

– Арестовал бы зачинщиков... – подсказывали другие...

– Еще короче – повесить одного для спасения всех! – заметил Непепин.

– Юлка, Юлка, как тебе не стыдно! – крикнул Лесовой, бросая на товарища взгляд, полный сожаления и укора, и, оставшись, по-ви-

димому, при своем решении броситься в море, пожал плечами и отошел от стола на прежнее место, не считая нужным говорить более.

– Ты... известный Мечтатель! Тебе нельзя быть капитаном! – усмехнулся Непенин.

– А тебе можно? – поддразнил Сидоров. – Потерпи немножко, Юлка! Сперва отзвони мичманом лет пять, потом лейтенантом лет десять, и тогда мечтай о том, как будешь заводить строжайшую дисциплину!.. Только к тому времени таких ретроградов, пожалуй, будут выгонять в отставку... Или ты тогда в либералы обратишься?

– Во всяком случае, постараюсь звонить меньше, чем ты...

– Дудки! Раньше не произведут! Возьми хоть нашего Чистоту Иваныча! Сколько лет звонил, пока сделался старшим офицером...

– Нашел кого привести в пример... Чистоту Иваныча! Ему никогда не выдвинуться... Он порядочная дура для того – Чистота Иваныч! – презрительно воскликнул Непенин.

Все вступились за Василия Ивановича. Положим, он большой педант и старых взгля-

дов, но он славный и добрый. Особенно взволновался отзывом Непенина Мечтатель. Хотя он и находился с Василием Ивановичем в натянутых, чисто официальных отношениях и недавно еще «развел» с ним, за что посажен был на салинг, тем не менее он горячее всех защищал старшего офицера.

Очевидно, сдерживая свое негодование, он значительно проговорил, оканчивая свою защиту:

– Каков бы ни был Василий Иваныч, не тебе бы, Юлка, так презрительно о нем отзываться!

Юлка промолчал, взглянув на бледное, взволнованное лицо Лесового. Потом посмотрел на часы и заметил:

– Однако пора на клипер! Я обещал Кошкина сменить в десять часов... Лесовой! Заплати за меня что следует!..

И с этими словами, несколько сконфуженный, вышел из комнаты.

Вслед за ним незаметно ушел и Лесовой.

Слова «порядочная дура» отчетливо донеслись до Василий Ивановича и на секунду его ошеломили. Он не верил своим ушам. Как?!

Неужели это голос его любимца, голос Непенина, к которому он относился с нежностью старшего брата, с заботливой лаской одинокого человека, искавшего привязанности? Неужели о нем так презрительно отозвался этот юноша, плативший, казалось, привязанностью за привязанность и выказывавший всегда особенное расположение в своих интимных беседах? Значит, все это была ложь... одна ложь!.. Нет, это не его голос! Такая испорченность невозможна в мальчике...

– Не может быть! – шептал Василий Иванович, стараясь себя обмануть.

Он поднялся, чтобы поскорее захлопнуть окно, боясь новой обиды, как вдруг под окном раздались голоса, и Василий Иванович, чтобы не быть замеченным, снова опустился в кресло.

– Я не хотел объясняться с тобой при товарищах, Юлка! Нам нужно объясниться! – сказал Лесовой.

– По поводу чего? – нетерпеливо проговорил Непенин.

– Ты понимаешь... По поводу твоей выходки против Василия Иваныча. Скажи – мне

нужно знать: ты отозвался о нем так презрительно ради красного словца или таково твое мнение?..

– Разумеется, мое мнение...

– Так почему ты так хорош с Василием Ивановичем?! Я до сих пор думал, что ты любишь и уважаешь его... ну, тогда ваши отношения понятны... Но разве можно оказывать расположение человеку, пользоваться его дружбой, занимать у него деньги, хвалить в глаза его педантизм и за глаза отзываться с презрением?!. Значит, ты все время лицемерил с ним, Юлка! А ведь я знаю, Василий Иванович искренне тебя любит...

– Это еще что за инквизиция? – перебил Непенин.

– Это необходимо... Я, Юлка, был с тобой дружен... Я не верил, когда товарищи обвиняли тебя в пролазничестве... Я всегда защищал тебя, ты знаешь... Мне, правда, не нравились твои честолюбивые идеи, твое самолюбие, твое желание выставиться перед адмиралом, твои отношения к матросам, полные пренебрежения, но ты умный человек, Юлка, я многое прощал тебе и думал, что ты сам поймешь

свои недостатки и избавишься от них... Я думал, что ты иногда рисуешься, напуская на себя бессердечие... Но теперь... Послушай, Юлка, мне тяжело говорить, но я должен... Ты обманываешь людей...

Если бы Лесовой, говоривший свою филиппику с горячностью и негодованием правдивой оскорбленной души, мог видеть жесткую, презрительную улыбку, искривившую губы его нетерпеливого слушателя, он, наверное, замолчал бы с первых же слов. Но темнота не позволяла ему видеть лица Непенина, и потому Мечтатель, веровавший, как и все мечтатели, в чужую совестливость, продолжал:

– Послушай, Юлка!.. Ты поступаешь... скверно, ведь играть людьми – подло! Я понимаю: тяжело сознаться в подлости, но лучше сознаться, чем продолжать двойную игру... Ты обязан завтра же откровенно объясниться с Василием Ивановичем. Пусть по крайней мере он не заблуждается на твой счет.

– То есть прийти и сказать ему: «Василий Иванович! Вы – добродушный дурак, влюбленный в чистоту и гоняющийся за пустяками, созданный для того, чтобы работать, как вол,

и оставаться в тени!» Очень остроумно придумано... Спасибо за умный совет! – проговорил Непенин с насмешкой.

– Ты, значит, отказываешься? – сухо спросил Лесовой.

– А ты думал, послушаюсь тебя и разыграю болвана? Благодарю! Я проживу и своей головой и буду пользоваться дураками как мне вздумается, не отдавая никому отчета!

– В таком случае, с этого момента наши отношения кончены... Мы более не говорим! – промолвил медленным, грустным голосом Мечтатель. – Можешь как угодно объяснить товарищам наш разрыв. Я никому ни слова не скажу о причине! – прибавил он.

В саду раздались звуки шагов по песку, и все стихло.

Василий Иванович поник головой и как-то весь съежился в кресле. Несколько времени он сидел неподвижно...

– Господи! сколько подлости в этом мальчике! – наконец прошептал он. – «А этот Лесовой... какая разница! А я еще считал его холодным, скрытным, сухим и нередко придирался к нему!» – вдруг вспомнил Василий

Иванович.

Бессердечный, сухой эгоист – его любимец, этот «открытый, симпатичный» Непенин, каким считал его до этой минуты Василий Иванович. Хорош симпатичный юноша!..

И чувство обиды, разочарования и сожаления охватило правдивую, бесхитростную душу Василия Ивановича, забывшего и об ужине, и о cherry soblar, и о миссис Эмми.

Х

— Вы понимаете, Василий Иванович, какая история! – восторженно восклицал Карл Карлович, уписывая за обе щеки салат из омаров. – И тут апельсины, и там апельсины... Везде апельсины и апельсины! О, это очень красиво было смотреть, Василий Иванович... Вам непременно надо поехать... Да!.. И так мы все ехали, ехали и весело разговаривали, пока не приехали к одному... к одному... Ах, как это по-русски?..

И Карл Карлович, всегда любивший обстоятельно и подробно передавать свои впечатления, остановился на середине речи, досадуя, что не может приискать соответствующего выражения.

– К озеру, что ли? – наобум подсказал Василий Иванович.

– Ах, нет! Какое озеро! – возразил с досадой Карл Карлович. – Ну, одним словом, узкое такое место... Ну, да... Ущелье! – воскликнул Карл Карлович, обрадованный, что нашел слово. – Ну, мы приехали к ущелью...

– А дальше что было?

– Дальше, Василий Иванович, вообразите себе, за этим ущельем сейчас крутой обрыв. И мы все вышли туда посмотреть это историческое место, Василий Иванович... Много лет тому назад... Я позабыл, сколько именно лет тому назад, хотя проводник и говорил нам, но я забыл... Так много лет тому назад, Василий Иванович, была здесь война... гражданская война... Одни хотели одного короля, другие хотели другого короля... И вот, одни канаки загнали других канаков в это ущелье, и давай их с обрыва вниз... Очень нехорошо... Бррр!.. Прямо в море... Вы понимаете, какая история, – снова повторил доктор свое любимое выражение, употребляемое им кстати и некстати.

Карл Карлович остановился, подложил себе еще омаров, проговорив: «Очень вкусные омары!» – и продолжал свой обстоятельный, подробный и скучный рассказ о том, как они поехали назад и как опять видели «и тут и там, и везде апельсины».

Василий Иванович, обыкновенно кушавший с наслаждением обжоры, смакуя куски, на этот раз лениво ковырял вилкой, рассеян-

но слушая увлеченного своим рассказом Карла Карловича. Против обыкновения, он то и дело подливал себе и доктору вина, потягивая бокал за бокалом.

– А что же вы, Василий Иванович? – вдруг спросил Карл Карлович, широко раскрывая глаза при виде пустой тарелки Василия Ивановича.

– Не хочется что-то...

– Не хочется? – удивился Карл Карлович. – Что это значит? У меня так после прогулки недурной аппетит! – прибавил доктор и стыдливо посмотрел на свою тарелку, словно бы извиняясь за свой аппетит.

– Кушайте, кушайте на здоровье, Карла Карлыч! Да что ж вы не пьете?.. Давайте-ка ваш бокал...

– Danke schon, Василий Иванович! За ваше здоровье! Но отчего это у вас нет аппетита? У вас всегда был прекрасный аппетит, Василий Иванович...

И, приняв серьезный докторский вид, он поправил очки, внимательно посмотрел на Василия Ивановича и впервые заметил озабоченное, подавленное выражение его лица.

– Гм... гм... Я вижу, вы не совсем в духе, Василий Иванович, э!.. Что с вами? – спросил он с участием.

– Так что-то... Плохо, должно быть, выпался после обеда, Карла Карлыч! – уклончиво отвечал Василий Иванович.

Но Карл Карлович, в качестве приятеля, искренне расположенного к Василию Ивановичу, не мог, разумеется, оставить его в покое. Он снова пытливо посмотрел на него и после минутного молчания спросил:

– Ничего не болит?

– Нет...

– Так это не то, Василий Иванович... это не оттого, что вы плохо выпались. С вашего позволения, я скажу вам, отчего у вас нет аппетита и почему вы не совсем в духе.

– Отчего же?..

– Вы, Василий Иванович, засиделись на клипере и очень давно не были на берегу. Вы понимаете, какая история? – прибавил Карл Карлович и добродушно подмигнул глазом... – Вам необходимо, Василий Иванович, как вы выражаетесь, дать маленький толчок природе... Вот что я посоветую вам, как док-

тор, Василий Иванович!

И, сделав это открытие, Карл Карлович засмеялся веселым, добродушным смехом, поглядывая из-под очков торжествующим взглядом, который, казалось, говорил: «Меня вы, Василий Иванович, не проведете. Я понимаю, отчего вы не в духе!»

– Офицеры говорили, что здесь в гостинице одна дама из Сан-Франциско живет... Очень, очень красивая американка! Вы понимаете, какая история, Василий Иванович! – таинственно проговорил доктор.

Но, к удивлению Карла Карловича, эта «история» не произвела на Василия Ивановича того оживляющего действия, какое на него обыкновенно производили подобные конфиденциальные сообщения. Он, правда, невольно улыбнулся прозорливости Карла Карловича, но разговора о красивой американке не поддержал, а снова налил себе и доктору вина и сказал:

– Дадим другой толчок природе – выпьем, Карл Карлыч! Это, в некоторых случаях, тоже не вредно... Как у вас на этот счет в медицине, а?..

– И это не вредно... Ха-ха-ха!.. А все-таки... прехорошенькая американка!

– Ваше здоровье, Карла Карлыч! Там видно будет!

Когда подали десерт и еще две бутылки шампанского, Василий Иванович и Карл Карлович были, что называется, «на втором взводе». Василий Иванович пребывал в молчаливой меланхолии, а Карл Карлович уже совсем расчувствовался и, окончив рассказ о прогулке, замечтал вслух на любимую свою тему – о будущем своем счастья...

– Еще один год, Василий Иванович, и я, Карл Карлович фон Шенгут, буду счастливый человек! – воскликнул в порыве телячьего восторга Карл Карлович, наливая себе по этому случаю еще бокал... – Отличное шампанское!.. Ваше здоровье, Василий Иванович! Вы превосходный человек, Василий Иванович, и я вас очень много уважаю... Да!.. Это я всегда скажу и в глаза и за глаза... без фальши... Главное, вы – справедливый человек, и я... справедливый человек... Мы оба справедливые человеки. Вы любите, чтобы всегда чистота и порядок, и я люблю, чтобы всегда чи-

стота и порядок... Да... И вы благородно с людьми обращаетесь... вот что... Матросы вас любят и тоже говорят, что вы – справедливый человек... Да... И с вами приятно служить, Василий Иванович, за то, что вы нам прекрасный товарищ... Вашу руку, Василий Иванович!

Он пожал протянутую руку и продолжал:

– И когда вы пожелаете ко мне в Кронштадт в мою скромную квартиру, Василий Иванович, я вас тоже угощу отличным обедом. Амальхен – отличная хозяйка, и у нас будет много, много шампанского, и Амальхен не будет жалеть... Ах, что это за благородная девушка, моя милая Амальхен, Василий Иванович!.. Ну, да вы хорошо знаете, какая это девушка, Василий Иванович!.. Помните, как в последнем письме она пишет: «Не отказывай себе в удовольствиях, дорогой Карл! Не стесняйся тратить на себя, милый Карл!» А, Василий Иванович?! Вот какая это благородная девушка! – проговорил с волнением Карл Карлович при воспоминании о таком проявлении благородных чувств фрейлейн Амалии.

– Но я, Василий Иванович, не слушаю ее! –

продолжал Карл Карлович после небольшой остановки. – Я скуп на свои удовольствия, Василий Иванович, вы знаете почему... И зато теперь уж у меня две тысячи пятьсот долларов да вещей на полторы тысячи долларов... А как вернусь в Россию, у меня будет не менее трех с половиною тысяч долларов... Ведь это около семи тысяч рублей на наши деньги, Василий Иванович... Семь тысяч! – повторял он, захлебываясь от счастья, что у него будут такие деньги. – Две тысячи на обстановку, Василий Иванович, а пять тысяч положим в банк... Да... Амалия и не догадывается, что я привезу целый капитал... Я обещал ей привезти три тысячи и... вдруг: «Амальхен, считай!»

И Карл Карлович весь сиял восторгом при одной мысли, как фрейлейн Амалия будет приятно удивлена при счете семи тысяч.

– И она стоит, Василий Иванович, эта милая девушка, такого сюрприза... Другая советовала бы беречь деньги, а она: «Не отказывай себе в удовольствиях, дорогой Карл!» О, как я это чувствую, Василий Иванович! – прибавил в умилении Карл Карлович, утирая на-

вернувшуюся слезу.

– И давно вы, Карла Карлыч, познакомились с вашей невестой? – спросил Василий Иванович. – Вы об этом никогда не рассказывали.

– О да... очень давно... Когда я был, Василий Иванович, еще студентом в Дерпте, на четвертом курсе, я в одно воскресенье увидел Амалию – ей было тогда шестнадцать лет – влюбился и сказал себе: «Карл! Если ты имеешь характер, эта девушка должна быть твоей женой»... И мы оба, Василий Иванович, имели характер... Вы понимаете, какая история, Василий Иванович! Жениться при сорока двух рублях в месяц жалованья может только какой-нибудь довольно глупый человек, а я не глупый человек и не согласился так жениться и сделать несчастье двум человекам – *danke schon!* И я пришел к фрейлейн Амалии и сказал: «Я вас очень люблю, прекрасная Амальхен, и очень хочу жениться, но будем лучше подождать!» И она сказала: «Я очень люблю вас, Карл, и тоже очень хочу жениться, но будем лучше подождать». Она и тогда была умная девушка, Василий Иванович!

Она тоже понимала, что на очень маленькое жалованье нельзя жениться и надо ожидать... да!..

«Давно бы я женился!» – подумал Василий Иванович. И, прихлебнув вина, проговорил:

– Терпеливый вы, однако, человек, Карла Карлыч... Долго же вы ожидаете!

– Но Амальхен будет моей женой, Василий Иванович!.. Будет!

И, словно увидав вдруг перед собой какое-нибудь неожиданное препятствие к тому, чтобы фрейлейн Амалия стала его женой, Карл Карлович с таким грозным видом ударил при этом по столу кулаком, что Василий Иванович поднял на него свои осоловевшие глаза и, казалось, спрашивал: «С чего так расходился, Карла Карлыч?»

Но он уж снова улыбался добродушно-блаженной улыбкой подвыпившего человека и продолжал:

– И мы будем очень счастливо жить, Василий Иванович... Мы знаем друг друга и будем, как следует добрым супругам, а не то что кошка с собакой!.. Да!.. И у нас... вы понимаете какая история?.. у нас, Василий Иванович,

будет два ребенка... сын и дочь... Больше не надо, Василий Иванович.

– Отчего же не надо?.. – удивился Василий Иванович.

– Много детей – много расходов... И многие ученые говорят, что много не надо... Двух довольно, Василий Иванович... Вы непременно пожалуйста ко мне на свадьбу. Мне очень приятно, Василий Иванович, видеть вас на свадьбе. И когда вы увидите, Василий Иванович, как хорошо жениться на благородной девице, вы подумаете, подумаете – и тоже женитесь на благородной девице... Nicht wahr [35], Василий Иванович?

Но Василий Иванович пребывал в меланхолии и мрачно тянул шампанское, по-видимому, не обнаруживая намерения последовать совету Карла Карловича.

– О, вам непременно надо жениться и иметь парочку детей. И вы тогда всегда будете в хорошем духе и всегда будете иметь хороший аппетит, Василий Иванович! – прибавил Карл Карлович и добродушно залился смехом, видимо, довольный своими словами.

– Не стоит привязываться к людям – вот

что я вам скажу, Карла Карлыч! – вдруг проговорил Василий Иванович с видом мрачного философа.

– Как не стоит? Я позволю спросить, Василий Иванович, почему не стоит? – взволнованно возразил доктор, принимая обиженный вид. – Кажется, моя невеста стоит... Фрейлейн Амалия...

– Да что вы все: фрейлейн Амалия да фрейлейн Амалия, Карла Карлыч! – вспыхнул Василий Иванович. – Я не трогаю фрейлейн Амалию... Я знаю, что она достойная девушка... Я не про фрейлейн Амалию, Карла Карлыч!

– О, извините, Василий Иванович!.. Я не понял... Я думал, вы хотите сказать, что не стоит жениться на фрейлейн Амалии. Я немножко пьян, Василий Иванович!

– Я не про фрейлейн Амалию... Женитесь себе с богом, Карла Карлыч, и будьте счастливы... Я, кажется, не завистливый человек... Я вообще говорю, что не стоит привязываться к людям! Лучше, знаете ли, подальше от них... Пусть говорят что хотят... Черт с ними!..

Карл Карлович вытаращил от изумления глаза. Что это с Василием Ивановичем? Поло-

жим, он выпил сегодня лишнее, но никогда он, добродушный Василий Иванович, и после шампанского не высказывал такого мрачного взгляда на людей.

– Вы привязались, положим, к человеку, полюбили, думали – хороший, добрый человек, а он вдруг окажется свинья – вот что обидно, Карла Карлыч... Понимаете?

Но Карл Карлович не понимал и хлопал глазами.

– Не то обидно, что вас обманули... да... что за ваши услуги вас же назвали дуракам... Понимаете: ду-ра-ком! Положим, и это обидно. Но бог с ним!.. Главное, обидно, Карла Карлыч, что человек окажется форменный подлец... Вот что больно! – с грустью воскликнул Василий Иванович, выпивая по этому случаю новый бокал.

И, помолчав, он продолжал:

– Хорошо-с! Ну поступи так какой-нибудь человек нашего возраста, Карла Карлыч... Оно все не так обидно... А то вдруг: молодость... так сказать, начало жизни... и подлость, – повторял грустно Василий Иванович, начиная немного заплетать языком.

– Но зачем же любить фальшивого человека! – воскликнул Карл Карлович. – Вы извините, Василий Иванович, а это неблагоприятно... да! О, я никогда не любил фальшивого человека. Я прежде узнаю, какой человек со всех сторон. Меня не обманет фальшивый человек. О нет!..

И, принимая вдруг сосредоточенно-озабоченный вид, Карл Карлович таинственно прибавил, понижая голос:

– Я догадался, Василий Иванович. Вы хотите маскировать... Вы, верно, любили одну фальшивую девицу, и она обманула такого благородного человека! И вы вспомнили и... стали не в духе... Но я прямо говорю: она неблагородно поступила!.. Да! Извините – неблагородно, Василий Иванович! И я бы пошел и сказал ей: «Сударыня! Вы неблагородно поступили с честным человеком!» И забыл бы фальшивую девицу, а полюбил бы благородную девицу, Василий Иванович!..

– Девицу?! Какую девицу? – воскликнул Василий Иванович, недоумевая. – Женщины, Карла Карлыч, лучше мужчин...

– Так вы не про девицу?.. – удивился Карл

Карлович. – По-ни-маю! У вас, верно, был фальшивый друг, Василий Иванович?

– Друг?! Друг – великое слово, Карла Карлыч!.. «Положи живот за други своя»... Друг!.. Был у меня давно друг... Платоша Осетров... Это был друг!.. Еще с корпуса... Но он потонул, Карла Карлыч... Катался на катере... налетел шквал... не успели отдать шкотов, и катер перевернуло...

– И ваш друг не умел плавать...

– Платоша Осетров не умел плавать?! – воскликнул Василий Иванович, бросая на доктора недовольный взгляд. – Плюньте тому в рожу-с, Карла Карлыч, кто вам скажет, что Платоша Осетров не умел плавать-с! Он был первый пловец! Пять раз, бывало, обплывал вокруг корабля... Да-с...

– О, я не знал, Василий Иванович! – успокаивал доктор.

– То-то, я вижу, что не знали... Он зацепился кортиком за уключину и потому погиб, бедный!.. Подумайте – молодой мичман, всего двадцать лет и погиб из-за кортика... Да-с!.. Вот это был друг, настоящий друг! И с благородными правилами человек. Простыня чело-

век... душа чистая... С тех пор не было у меня друга!

– Так про кого же вы говорили, Василий Иванович?..

– Про кого я говорил?..

Имя Непенина чуть было не сорвалось с языка. Но Василий Иванович вдруг спохватился и дипломатически заметил:

– Я вообще говорил, Карла Карлыч... Я вспомнил один анекдот, Карла Карлыч... Не со мной – нет... С моим знакомым! – продолжал Василий Иванович, чувствуя все-таки потребность поговорить о своей обиде.

– Анекдот?.. Ну, очень рад, очень рад! – весело воскликнул Карл Карлович. – А я смотрю: вы не в хорошем духе и с таким сердцем говорили... я и подумал: неужели у Василия Ивановича был фальшивый друг?.. И мне было очень неприятно, что у вас был фальшивый друг... Я, конечно, не имею права, Василий Иванович, быть вашим другом... О, знаю, что вы меня не можете считать другом... Но я очень много уважаю вас, Василий Иванович... Пойдите, Василий Иванович... Позвольте мне вам сказать, как я уважаю и ценю вас,

Василий Иванович... Я немножко выпил, но могу сказать... И вот что я вам скажу: вы знаете, я должен жениться и беречь деньги... Должен ли я беречь деньги, Василий Иванович?..

– Очень уж вы дорожите деньгами, Карла Карлыч!

– Да... потому, что я хочу жениться... Но придите вы, Василий Иванович, и скажите: «Карл Карлович! дай мне пятьсот долларов займа!» – и Карл Карлович сейчас же принесет пятьсот долларов... Скажите: «дай тысячу!» – и он принесет тысячу! Я никому, вы знаете, не дам, потому что я должен жениться, а вам дам, Василий Иванович! – воскликнул умиленно Карл Карлович. – Да!.. Вот что я хотел вам высказать... Ваше здоровье, Василий Иванович! Теперь я буду слушать ваш анекдот.

Василий Иванович был несколько тронут и проговорил:

– Спасибо, Карла Карлыч... Я верю вам... Вы не фальшивый человек... У вас есть правила.

– О, у меня есть правила, Василий Иванович!

– Да... правила... Вы даже жениться хотите

по правилам и детей иметь по правилам... Я тоже люблю правила, но только не мог бы по правилам жениться и иметь детей... Ну, да это ваше дело, Карла Карлыч. Вот когда нет правил или одна подлость... Слушайте, Карла Карлыч! Вот какой анекдот был.

И Василий Иванович стал рассказывать, как его знакомый, человек простой и доверчивый, «имел глупость» привязаться к одному юнцу.

– Знакомый этот, знаете ли, был одинокий, вроде меня, ну и, знаете ли, тоже потребность дурацкая... пригреть юнца... Ну-с, и пригрел, тоже питал чувства... Как же! Вроде как будто к брату даже... хотел из него бравого, честного офицера сделать... Ну, верил, что и он с своей стороны... А он... он... Что бы вы думали?..

Непривыкший много пить Василий Иванович начинал хмелеть, и язык его плохо слушался.

– О, я догадался!.. – воскликнул Карл Карлович.

– До-га-да-лись?.. Он...

– Ваш неблагородный молодой человек?

– Да... Подлец!

– Фуй!.. Как это нехорошо, Василий Иванович! И ваш знакомый пришел к нему и сказал: «Я буду вас презирать!»

Но Василий Иванович отрицательно махнул головой.

– Он этого не сказал?.. Странный человек ваш знакомый, Василий Иванович! Как же он поступил?

Но Василий Иванович молчал, задумчиво устремив осоловелые глаза на пустую бутылку, словно бы в ней скрывалось решение вопроса.

– Я бы, Василий Иванович, рассердился – очень рассердился и сказал бы фальшивому человеку: «Милостивый государь! Вы есть фальшивый человек, а я есть благородный человек, – и по этой причине не могу иметь с вами знакомства!» Да!.. Вот как бы я поступил, Василий Иванович!

– А я не знаю, как он поступил! – наконец, протянул Василий Иванович. – Не знаю... Но только он не сердился... да... не сердился, Карла Карлыч!

– Это довольно странно, Василий Иванович, что не сердился... С ним так, можно ска-

зять, подло поступили, и он не сердился!

– Странно, а он не сердился!.. Нет!.. Подло поступили, а он не сердился... Да! Но ему было очень обидно... Это верно... Это я знаю... Уверен!.. Но только он не так поступил, как вы говорите... Не так! – повторил Василий Иванович в каком-то пьяном раздумье.

Доктор увидал, что они оба уже достаточно дали «толчок природе», и подал совет – не пора ли теперь отдохнуть?

– Отдохнуть... Из бухты вон, отдай якорь?! Отлично... Ляжем в дрейф, любезный Карла Карлыч...

– Именно, в дрейф, Василий Иванович.

– Но только он не так поступил, Карла Карлыч!.. Не так, брат! – снова повторил Василий Иванович, грузно поднимаясь из-за стола.

– Да черт с ним!.. Стоит ли из-за какого-то неблагородного человека волновать себе кровь... Тьфу!.. Вы сегодня совсем не в духе... А все оттого, Василий Иванович, что редко съезжаете на берег... Да... Понимаете, какая история?..

– Я-то понимаю... И история была... Можно сказать – роман... Миссис Эмми... Знаете ли...

брюнеточка... Поет... Я по-английски: так и так... Да! А вы вот, Карла Карлыч, хоть и хороший человек... правила... двое детей, а не понимаете, почему он так не поступил! – повторил Василий Иванович, сбрасывая платье... – А теперь лучше давай, брат, уснем... забудем обиду... Вы на клипер не ездите... Лучше ночуйте здесь... Сейчас скомандуем другую кровать! Вы, Карла Карлыч, тоже треснувши... да?

Карл Карлович не хотел кровати. Он отлично выспится на диване. Через несколько минут слуга принес подушку и белье, и скоро в номере раздался громкий храп.

XI

После вчерашнего «толчка природе» Василий Иванович проснулся поздно и с головной болью. Доктора уже не было. Он уехал на клипер осматривать своего единственного больного.

Несколько озабоченный своим долгим пребыванием на берегу (хотя капитан вчера снова повторил, что пробудет весь день на клипере), Василий Иванович торопливо оделся, выпил сельтерской воды, заплатил по счету и отправился в лавки искать платок с птицами для Антонова. Обойдя несколько лавок, он спешил на пристань, не сделав даже обещанного визита миссис Эмми.

Когда, наконец, после полудня он отвалил от пристани и увидел красивый, стройный, с чуть-чуть подавшимися назад мачтами клипер, покоившийся на зеркальной глади воды во всем своем великолепии, Василия Ивановича охватило радостно-спокойное чувство человека, увидавшего любимым дом после долгого отсутствия. Шутка ли: он не ночевал на клипере! В течение двухлетнего плавания

это была, кажется, третья ночь, проведенная им на берегу. Он сжился с клипером и любил его тою странною любовью, которою любят свои плавучие дома страстные моряки и свои тюремные кельи – узники, давно забывшие свободу. Он так привык, просыпаясь, видеть полированные, гладкие, светлые «переборки» (стены) своей каюты, освещенной скудным светом круглого иллюминатора, и затем – белобрысую голову Антонова, выглядывающего из-за дверей, чтобы доложить, что команда встает, он так привык, наскоро одевшись и прочитав свое обычное «Отче наш» перед маленьким образом спасителя, носиться с утра по клиперу, наблюдая за уборкой, к восьми часам появляться на мостике с рапортом и затем хлопотать до вечера, живя по судовому расписанию, – что всякое отступление от подобного образа жизни являлось каким-то диссонансом. И теперь, подъезжая к клиперу, ему казалось, будто он давно не был на нем, и без него, чего доброго, что-нибудь недоглядели, и клипер не прибран как следует.

Зорким любовным глазом страстного любителя своего дела оглядывал он клипер сна-

ружи и не нашел ничего, что бы могло оскорбить его требовательный морской взгляд. Все в порядке. Ни сучка, ни задоринки!

И он бойко выскочил на палубу и приостановился, поглядывая на фалгребных ласковым взглядом, словно бы давно не видал их и обрадовался, что увидел.

Приложив руку к козырьку, встретил его у входа Непенин. Василия Ивановича точно кольнуло что-то в сердце. Он вдруг вспомнил вчерашнее, смутился, неловко протянул руку и торопливо пошел по шканцам.

– Сегодня утром почтовый пароход пришел из Сан-Франциско, Василий Иванович! Есть новости... В Японию идем! – говорил Непенин, спеша первым сообщить старшему офицеру эти известия.

Василий Иванович остановился и взглянул на Юлку. Он был, по обыкновению, свежий, чистенький, щеголевато одетый, и приветливая, несколько заискивающая улыбка играла на его лице. Василий Иванович вдруг почувствовал желание оборвать своего бывшего любимца. Но вместо «обрыва» он проговорил, глядя в сторону:

– Кто едет с командой на берег?

– Лесовой и Кошкин!

– Разве не ваша очередь-с? – вдруг строго спросил Василий Иванович.

– Нет-с. Я в Нагасаки ездил! – почтительно отвечал, несколько удивленный этим тоном, Непенин.

И Василий Иванович снова смутился, на этот раз от стыда, что, увлекшись личным чувством, допустил служебную несправедливость.

– Виноват-с! Я думал, что ваша, Непенин! – мягко проговорил он, торопливо спускаясь вниз.

В кают-компании только что отобедали. На не убранном еще столе лежали газеты, несколько журналов и конверты от писем, только что полученных из России. Большинство офицеров было занято чтением. При появлении Василия Ивановича все так радостно приветствовали его, так торопились сообщить ему новости, полученные с почтой, что неприятное впечатление первой встречи с Непениным, после вчерашнего, потеряло свою остроту. По тону приветствий, по взгля-

дам, он чувствовал, что все к нему расположено, что все ему искренне рады. Это сознание общего расположения подействовало на Василия Ивановича сегодня особенно приятно, и он с какою-то непонятною для других нежною ласковостью пожимал всем руки, отвечая на приветствия.

– В Хакодате идем, Василий Иваныч!

– От адмирала получено предписание... Говорят, соберется вся эскадра...

– Кажется, через три дня уйдем, Василий Иваныч!..

– Карл Карлыч от фрейлейн Амалии письмо получил! Читает теперь! – заметил кто-то смеясь.

– Да ведь вы не обедали, Василий Иваныч?

– Нет... вот сейчас пойду переоденусь...

– Эй! Подавать обедать старшему офицеру! – крикнул вестовым второй лейтенант, держатель кают-компания. – Сегодня, Василий Иваныч, ваш любимый суп с фрикадельками и отличный ростбиф...

Довольный этим общим ласковым вниманием и в то же время несколько озабоченный новостями и близким адмиральским смот-

ром, Василий Иванович скрывается в каюту, чтобы, переодевшись, явиться к капитану.

Антонов уже ждет Василия Ивановича в каюте. Веда в рукомойнике приготовлена. Свежая, безукоризненная сорочка и белый китель аккуратно разложены на постели.

– Здравствуй, Антонов!.. Ну, вот тебе, братец, платок, – говорит Василий Иванович, отдавая вестовому сверток. – Не знаю, понравится ли?

– Очень форсистый, ваше благородие! – говорит Антонов, с восторгом рассматривая большой шелковый платок с павлином на красном фоне... – Поди два доллара стоит, ваше благородие?!

– Два доллара?! Ты ничего не понимаешь, Антонов... Всего полдоллара! – весело врет Василий Иванович, заплативший за платок целых четыре.

– Очень сходно купили, ваше благородие... Не прикажете ли окатиться?.. В колодце [36] отлично... Господа окачивались...

– Некогда... некогда!.. – торопится Василий Иваныч и, приведя себя в надлежащий порядок, идет в капитанскую каюту.

– Честь имею явиться!

– Что так рано? Мало погуляли, Василий Иванович! – радушно приветствует капитан, усаживая Василия Ивановича рядом с собою на диван и подвигая папиросы.

– Делать нечего на берегу, Павел Николаич! И то долго пробыл...

– Соскучились? – улыбнулся капитан. – Скоро придется уходить... Уж, верно, слышали?.. Я говорил ревизору, чтоб был готов.

– Как же, слышал.

– Адмирал торопит идти на соединение с эскадрой. Рандеву – Хакодате. Оттуда клипер получит особое назначение, но какое – предписание умалчивает.

– Уж не пойдет ли он с нами куда-нибудь? – испуганно спросил Василий Иванович.

– Все может быть... Вы ведь знаете: адмирал любит делать сюрпризы! – проговорил капитан с улыбкой. – Помните, как в прошлом году мы рассчитывали идти в Австралию, а попали на Ситху?.. Да вот прочтите предписание!

Василий Иванович пробежал предписа-

ние...

– Там сказано, Павел Николаич: «немедленно идти», – озабоченно проговорил Василий Иванович, чувствуя какой-то благоговейный страх перед бумагами начальства.

– «Немедленно идти по готовности»... Мы дадим команде освежиться на берегу, вытянем такелаж и пойдём... Дня в три справимся ведь, Василий Иваныч?

Василий Иванович выговорил еще денек про запас. Порешили идти через четыре дня.

Василий Иванович вышел от капитана с той смущенной озабоченностью на лице, которая всегда бывала у Василия Ивановича при ожидании адмиральского посещения и при каких-нибудь работах на клипере. Зато в серьезные минуты, когда приходилось выдерживать шторм или требовалась быстрая находчивость, Василий Иванович, напротив, удивлял своим спокойствием.

Тем не менее у него сегодня был отличный аппетит. Он ел все, что ни подавали, и похваливал, к крайнему удовольствию содержателя кают-компании, принимавшего чуть ли не за личное оскорбление всякое неодобритель-

ное замечание насчет блюд.

– Когда снимаемся, Василий Иванович? – спрашивали его со всех сторон.

– Через четыре дня.

– Это верно, что идем в Японию?

– Верно...

– А оттуда куда, Василий Иванович?

– А этого не знаю...

– Говорят, Василий Иванович, в Камчатку...

– За бобрами, что ли?.. – смеется Фома Фомич. – Я бы купил себе бобрика.

– «Говорят»? – усмехнулся Василий Иванович. – Я по крайней мере ничего не слышал. А впрочем, что ж?.. Пошлют в Камчатку – пойдём в Камчатку!

Об «особом назначении» старший офицер умолчал, так как капитан не уполномочивал его об этом говорить. В случае надобности Василий Иванович умел быть нем как рыба.

– А не слышно ли, Василий Иванович, скоро ли вернется в Россию адмирал? – допрашивают мичмана.

– И этого не слыхал... Вы лучше спросите у самого адмирала! – шутит Василий Иванович. – Скоро его увидите.

Входит рассыльный и докладывает, что команда готова ехать на берег, и Василий Иванович, выпив стакан портерку, идет наверх.

– Смотри, братцы, не очень налегай на вино!.. Чтобы в лежку не привозили! Да друг от дружки не отбивайся... По кучкам гуляй, – наставляет Василий Иванович, обходя по фронту.

– Слушаем, ваше благородие!..

– Сажайте людей на баркас!

– Пошел на баркас! – раздается команда.

Матросы, один за одним, бегут вприпрыжку к выходу и спускаются по трапу.

– Завтра, брат Щукин, будем такелаж тянуть... Так уж ты, пожалуйста... – тихо говорит Василий Иванович, любуясь расфранченным старым боцманом.

– Постараюсь, ваше благородие! – тоже тихо отвечает боцман и с сознанием собственного достоинства направляется к выходу, расталкивая матросов.

Василий Иванович смотрит с мостика, как люди садятся. Теснясь, как сельди в бочонке, матросы занимают места при сдержанном говоре и смехе, перекидываясь шутками, и ско-

ро баркас полон белыми рубашками.

– В котором часу прикажете отваливать с берега? – спрашивает, подходя к старшему офицеру своей медленной походкой, Лесовой.

– Здравствуйте, Федор Петрович! Мы с вами сегодня, кажется, не видались! – как-то особенно ласково говорит Василий Иванович, называя Лесового, против обыкновения, по имени и отчеству, и крепко жмет ему руку.

Лесовой, после такого внимания со стороны старшего офицера, становится еще серьезнее и повторяет свой вопрос еще более официальным тоном: «Я, мол, с тобой пришел не ляды точить!»

– В котором часу? – переспрашивает Василий Иванович и вместо ответа смотрит на Мечтателя так приветливо и сердечно, что тот несколько удивлен и снова замечает.

– Баркас с людьми ждет, Василий Иваныч!

– Ах, виноват... виноват! В девять отвалите!

– Есть!

«Экий славный какой этот парень!» – думает про себя Василий Иванович, провожая глазами отваливший от борта баркас с сидящим

на руле Лесовым, и невольно сравнивает с ним Непенина.

XII

Через две недели клипер под всеми парусами, с ровным попутным ветром, входил на Хакодатский рейд, салютуя адмиральскому флагу.

Боцман только что рявкнул «Пошел все наверх на якорь становиться!» – и все были на своих местах.

Капитан ходил тихими шагами по мостiku, по временам останавливаясь, чтобы посмотреть в бинокль на стоявшие на рейде суда. Кроме четырех судов русской эскадры, на рейде было несколько иностранных военных судов, не считая многих «купцов» и джонок. Василий Иванович тоже, разумеется, на мостике, готовый командовать авралом. Опершись о поручни, он стоит на наветренной стороне и зорко глядит вперед.

Оба они, по-видимому, совершенно спокойны, но в действительности оба они в душе испытывают волнение, зная отлично, что со всех военных судов устремлены бинокли и моряки всех наций ревниво будут следить за маневрами красавца клипера, которому пред-

стоит нелегкая задача – пройти под парусами к эскадре среди множества судов, стоявших на дороге.

Слегка накренившись и с тихим гулом отсекая воду, легко поднимаясь с волны на волну, приближался «Голубчик» к судам. Полнейшая тишина царит на клипере. Только изредка раздаётся звучный тенор Василия Ивановича:

– На баке! Вперед смотреть!

И ответ боцмана:

– Есть! Смотрим!

И снова тишина.

Все понимают, что для моряков это – торжественные минуты, что вход на рейд подобен появлению какой-нибудь блестящей красавицы среди ревнивых соперниц и что теперь посторонние разговоры неуместны, да и не идут на ум. У всех, начиная с капитана и кончая вот этим маленьким матросом, стоящим у своей снасти, одна мысль: как бы клиперу не осрамиться и войти в люди, как следует военному судну. Все посматривают на мостик и, видя спокойные, уверенные лица капитана и Василия Ивановича, чувствуют,

что клипер не осрамится.

И он не осрамился, а лихо прошел мимо французского фрегата, «обрезал кормы» двум английским корветам и шел теперь к русской эскадре.

– Придется резать корму адмирала! Иначе не пройдем. Вот этот «купец» нам мешает! – тихо замечает капитан Василию Ивановичу, указывая рукой на «купца».

– Есть! – так же тихо отвечает, но уже без обычной почтительной аффектации, Василий Иванович, одновременно с капитаном подумавший о том, что придется резать корму адмирала. – На якорь станем за «Красавцем»?

– Да.

– Лево! Больше лево! Стоп так! – нервно, отрывисто командует рулевым Василий Иванович, бросая сердитый взгляд на стоявшего на дороге «купца».

И клипер, бросившись к ветру, проходит сквозь ряд судов и джонок и благополучно минует «купца», пробежав у него под самым носом.

– Право!.. Право! Так держать!

– Есть! Держим! – отвечает старший руле-

вой, быстро ворочая штурвал.

Клипер теперь несется прямо на корму адмиральского корвета. Уж он так близко, что отлично видна приземистая, кряжистая фигура адмирала с биноклем в руке, стоявшая, подавшись вперед, на юте впереди других зрителей. Казалось, вот-вот, сейчас «Голубчик» врежется в корму «Грозного». Все затаили дыхание. Ни звука на палубе. Капитан перестал ходить и напряженно смотрит вперед, измеряя зорким взглядом расстояние между клипером и корветом.

«Пора, однако, спускаться!» – мелькнула у него мысль, и он, пощипывая в волнении бакенбарду, только что хотел об этом сказать Василию Ивановичу, как уже раздался уверенный, звучный голос Василия Ивановича:

– Право на борт! Одерживай!

И послушный рулю, как добрый конь узде, клипер лихо пронесся под самой кормой адмиральского корвета, и Василий Иванович улыбнулся, словно этой улыбкой благодарил клипер.

– Здорово, ребята! – раздался среди тишины довольный голос адмирала.

Громкое: «Рраз ддва!» – разнеслось по воздуху, когда уже клипер, приведя к ветру, шел далее.

Пройдя мимо «Дротика» и «Красавца», клипер круто повернул против ветра.

– Паруса на гитовы! Из бухты вон, отдай якорь! – раздавался голос Василия Ивановича. – Марсовые к вантам!

Не прошло и пяти минут, как исчезли, словно волшебством, паруса; клипер недвижно стоял недалеко от «Красавца», и капитанский вельбот уже был у борта, готовый везти капитана к адмиралу с рапортом.

– Славно стали на якорь, Василий Иванович! – замечает капитан.

– Да, кажется, ничего себе! – отвечает как будто спокойно Василий Иванович, сияя от удовольствия.

Но эта радость внезапно исчезает, а на лице его снова смущенное, озабоченное выражение, не покидавшее его во все две недели.

– Верно, адмирал скоро будет... А мы еще не убрались, Павел Николаевич!

– Нечего убираться!.. У вас клипер – игрушка... Чего еще, Василий Иванович! – говорит ка-

питан, и вслед за тем уходит вниз облекаться в мундир, чтобы ехать к адмиралу.

Через час капитан возвратился с адмиральского корвета. Смотр назначен через два дня. Через неделю клипер уйдет в отдельное крейсерство на север.

– Но адмирал с нами не пойдет, Василий Иваныч! – прибавил с улыбкой капитан, торопясь успокоить старшего офицера.

Вместе с тем капитан привез и радостное для «фендриков» известие о производстве их в офицеры. Пригласив их к себе в каюту, капитан, с бокалом шампанского в руке, поздравил молодых мичманов и сказал маленький спич:

– Все вы, господа, остаетесь у нас на клипере, чему я, конечно, рад... Один господин Непенин от нас уходит... Адмирал назначает вас флаг-офицером, господин Непенин! Сегодня же потрудитесь явиться к адмиралу!

Непенин не ждал такого радостного известия. Быть поближе к начальству, иметь возможность отличиться – это были его заветные мечты. Он вспыхнул от удовольствия.

– Вы, кажется, очень довольны назначени-

ем? – с едва заметной улыбкой спросил капитан.

– Я крайне благодарен вам, Павел Николаич!

Капитан с удивлением поднял глаза на молодого человека.

– Благодарите не меня, а адмирала... Я тут ни при чем. Не я рекомендовал вас на эту должность. И, признаться, я не вижу особенной причины радоваться... Для молодого офицера лучшая школа – строевая служба... А впрочем, желаю вам всяких успехов, господин Непенин.

Непенин закусил губы от досады. Сидоров насмешливо улыбался. Никто из товарищей не завидовал назначению Юлки.

В кают-компании молодых мичманов встретили шумными поздравлениями и шампанским. Через пять минут уж у всех на сюртуках были мичманские погоны. Василий Иванович провозгласил тост за милую молодежь и со всеми перецеловался.

– Дай вам бог всего хорошего, Непенин! – мягко проговорил он, поздравляя Непенина.

– Вы, Василий Иваныч, пожелайте Юлке

блестящей карьеры... Уж он ее начал... Он теперь особа... Адмиральский флаг-офицер!.. – с хохотом подхватил Сидоров.

– Что карьера?.. Не с карьерой жить... Не это главное... Вы вот все зубоскалите!

Многое хотелось сказать Василию Ивановичу. Он все еще не хотел верить в безнадежную испорченность своего бывшего любимца и все еще сохранял уголок для него в своем любящем сердце. Но Непенину было не до излияний. Он торопился явиться к адмиралу и даже не обратил внимания на насмешку Сидорова.

Вечером он совсем перебрался на адмиральский корвет, простившись с Василием Ивановичем так небрежно и холодно, забыв даже упомянуть о своем долге, что Василий Иванович только грустно усмехнулся ему вслед, ни слова не сказав на прощанье.

XIII

Смотр прошел блистательно.

Куда только не заглядывал адмирал – он везде встречал образцовый порядок. О чистоте и говорить нечего! Когда, в сопровождении свиты, спустившись в машину, его превосходительство изволил провести пальцем в белоснежной замшевой перчатке по крышке цилиндра, Василий Иванович, признаться, струсил, и у него по спине забегали мурашки. А что как вдруг на пальце окажется черное, ужасное пятно?

Но этого, конечно, не случилось, и Василий Иванович напрасно струсил.

Его превосходительство с довольным видом поднес палец почти к самому носу сопровождавшего его флаг-капитана и весело проговорил:

– Посмотрите!

Флаг-капитан посмотрел, но, как опытный дипломат, ничего не сказал.

– Ни пылинки!.. Это не то, что на «Дротике»! Здесь – приятно быть. Видно, что настоящее военное судно! – проговорил он и пошел

наверх.

Все учения производились на славу. Перемена марселей сделана была в пять с половиной минут; клипер приготовился к бою в три минуты; десант был посажен на шлюпки, готовый разить врагов, в четыре с половиной минуты. Чего еще более желать?!

Адмирал, стоя на мостике, несколько раз принимался благодарить капитана. Но капитан, по-видимому, недостаточно чувствовал себя счастливым от адмиральных комплиментов, принимая их с официальной сдержанностью. И адмирал, любивший взаимность чувств, под конец смотра сделался скупее на комплименты.

Он обратился было с выражением благодарности к Василию Ивановичу; но Василий Иванович, приложив руку к треуголке, так упорно молчал, что адмирал, взглянув на вспотевшее, красное, нелепо улыбающееся лицо Василия Ивановича, поспешил отвернуться, не желая длить агонию старшего офицера.

Смотреть, кажется, более нечего. Все учения окончены. Адмирал обходит команду,

опрашивает претензии (претензий нет) и благодарит матросов за лихие работы. Затем снова благодарит офицеров, Василия Ивановича, капитана и уезжает.

– Сплавил! Сплавил, наконец, адмирала! – весело кричат мичмана, вбегая в кают-компанию. – А вас, Карл Карлыч, благодарил адмирал? – обращаются к доктору.

– Меня? За что меня благодарить? – скромно отвечает доктор.

– Как за что? А за то, что больных нет!

– Он у меня в лазарете, однако, был...

– Был, и что же?

– Как же, был; посмотрел и сказал: «У вас очень здесь хорошо, доктор!» Вот что он мне сказал!

– А мне хоть бы слово! – раздражительно проговорил Фома Фомич. – Тоже, кажется, видел, каково артиллерийское учение... Ну, да стоит ли нас благодарить!.. Мы не флотские!.. Верно, и вам ничего не сказал, Захар Матвеевич? – обратился артиллерист к старому штурману.

– Мы и так обойдемся! – иронически усмехнулся низенький, кривоногий Захар Матвее-

вич. – Да и к чему нам благодарность? Из нее шубы не сошьешь!

– Да я не к тому... Ну, скажи ты хоть слово... Ну, заметь по крайней мере!

– Благодарите создателя, Фома Фомич, что хоть не разнес. А вы – ишь чего захотели: благодарности!

– Э, полноте, полноте, господа! – вмешивается Василий Иванович, боявшийся этих щекотливых разговоров об антагонизме между флотскими и офицерами корпусов. – Ведь он нас всех благодарил, когда уезжал... Все было отлично... Эй, Антонов! – кричит он.

Но Антонов уж сам догадался и несет бутылку портера.

– Да ты что ж это одну бутылку?.. Вали еще! Не прикажете ли, Фома Фомич?.. Захар Матвеевич!.. Выпейте стаканчик... Уф! – отдувался Василий Иванович. – И жарко же сегодня, господа... Ну, теперь уже не скоро будет новый смотр! – весело говорит Василий Иванович и, по обыкновению, всех угощает...

– А Юлка-то наш... заметили, господа? – говорит Сидоров, обращаясь к молодежи.

– А что?.. форсит?..

– Отлично вошел в роль... Так и летал, исполняя адмиральские поручения на смотре. Настоящий флаг-офицер!

– Назначь вас, и вы бы летали! – вступается Василий Иванович. – Уж такая, батенька, должность!

– Летать бы, положим, летал, Василий Иванович...

– Так что ж других осуждать...

– Только не было бы у меня написано на роже, как у него, что я летаю в восторге.

Все смеются. Улыбается и Василий Иванович.

– Ну... ну, полно зубоскалить-то про товарища!.. Лучше выпейте-ка, батенька, стаканчик портерку!.. Не бойтесь: вас не назначат флаг-офицером!

Василий Иванович только что отпил после ужина чай и взялся было от нечего делать за газету, но долго читать не мог – слипались глаза. Да и не особенно интересно читать о том, что было полгода назад! Девять часов – можно и на боковую! После сегодняшнего

дня, полного тревог и волнений, не грешно лечь пораньше. Да и скучновато сидеть одному. В кают-компании ни души. После смотра все разъехались. Дома только Василий Иванович, отец Виталий, отправившийся спать тотчас после ужина, да Сидоров, шагающий по мостику, ощупывая по временам свои новые мичманские погоны.

Василий Иванович поднялся наверх посмотреть, по обыкновению, какова погода; осмотрел, сколько выпущено якорной цепи, поболтал несколько минут с Сидоровым на мостике и, приказав немедленно разбудить себя, если что-нибудь случится, – спустился к себе в каюту.

– Кто гребет? – раздался среди тишины обычный оклик часового наверху.

Василий Иванович не узнал ответного голоса. «Верно, Карл Карлыч!» – подумал он.

Мимо открытого иллюминатора тихо скользнула на лунном свете японская шлюпка, через минуту в кают-компании раздались торопливые шаги, и вслед за тем кто-то постучал в двери.

– Войдите!

В каюту вошел Непенин.

«Верно, адмирал требует!» – промелькнула первая мысль у старшего офицера.

Он вопросительно взглянул на Непенина. Тот был бледен и взволнован, и Василий Иванович сразу понял, что с Непениным случилось что-то необычайное.

– Вы не по службе?

– Нет... Я к вам с просьбой... с большой просьбой, Василий Иваныч! – проговорил молодой человек упавшим голосом.

– В чем дело?..

– Спасите меня, Василий Иваныч! Я... я... проиграл... чужие... деньги! – почти шепотом произнес он, с мольбой в голосе, видимо с трудом выговаривая слова.

– Чужие деньги-с? Проиграли? – испуганно и строго повторил Василий Иванович.

– Да...

И Непенин, растерянный и жалкий, со слезами на глазах, бессвязно рассказал, как на днях адмирал, поручив ему заведовать своим хозяйством, выдал на расходы деньги; как сегодня... час тому назад, он зашел в гостиницу... Там собрались с эскадры офицеры... игра-

ли в ландскнехт [37]. Он сел играть... проиграл свои пятьдесят долларов, думал отыграть-ся, и...

– Сколько? – отрывисто спросил Василий Иванович.

– Много... Триста долларов.

Василий Иванович серьезно покачал головой, и, ни слова не говоря, выдвинул ящик шифоньерки, где у него лежали деньги, и, отдавая почти весь свой запас, проговорил:

– Вот вам деньги, Непенин!

Непенин вздохнул свободнее и бросился благодарить Василия Ивановича.

– Не выручи вы меня, Василий Иваныч, я бы не знал, что делать... Узнал бы адмирал... Ужасно!.. Надеюсь, вы никому не скажете, Василий Иваныч?.. Я возвращу вам...

Василий Иванович строго остановил его.

– Ах, Непенин! Не в том беда, что мог узнать адмирал, а то нехорошо-с, что вы совершили поступок, недостойный порядочного моряка... Вот-с что нехорошо-с... Надеюсь, этот урок послужит вам в пользу и вам не придется краснеть перед самим собою...

– Поверьте, Василий Иваныч... Ничего по-

добного больше не случится! – смущенно говорил молодой человек.

– Дай бог!.. дай бог!.. – в раздумье проговорил Василий Иванович.

И после паузы он промолвил:

– И вот вам, Непенин, еще совет от...

Василий Иванович чуть было не сказал: «от добродушного дурака», вспомнив эпитет, данный ему Непениным. Но он удержался от намека и продолжал:

– От человека, который никому не желает зла, Непенин! Имейте-с правила в жизни!.. Твердые правила, согласные с совестью... Без них можно, пожалуй, иметь успех-с... выиграть по службе, что ли, но нельзя жить в душевном мире с самим собой!.. Это верно! И выдерживать штормы в жизни только тогда легко, когда совесть не за бортом-с! А главное, будьте правдивы и с собой и с людьми... Любите людей бескорыстно, если хотите, чтоб и вас они любили!.. Вы не будьте в претензии, Непенин! Я от чистого сердца говорю, желая вам добра... С умом, да без сердца – плохо жить... Ну, теперь поезжайте с богом!.. Ни душа, конечно, не узнает... Рад, что мог помочь

вам! – заключил Василий Иванович, прощаясь с Непениным.

Молодой человек ушел, сдерживая свою радость. Он не надеялся, что Василий Иванович так просто и легко выручит его из беды, дав ему такую крупную сумму.

А Василий Иванович не спеша разделся и лег.

«Так ли он поступил? Не слишком ли он „жестко“ говорил с Непениным?» – думал Василий Иванович, лежа в постели.

И, решив, что он поступил правильно и что дал советы от чистого сердца, Василий Иванович скоро заснул.

XIV

С тех пор прошло много лет.

«Голубчик» давно продан на слом, и многие из плававших когда-то вместе на нем разбрелись в разные стороны, никогда не встречаясь друг с другом.

Скоро по возвращении «Голубчика» в Россию я оставил службу, уехал в деревню и потерял из виду бывших сослуживцев. О некоторых из них доходили по временам слухи в деревенскую глушь, но о Василии Ивановиче я ничего не слышал. В газетных известиях, сообщавших имена командиров судов, отправлявшихся в дальнее плавание, фамилия Василия Ивановича ни разу не попадалась, из чего я заключил, что служба не особенно его баловала.

В мае 187* года мне пришлось, наконец, вернуться в Петербург.

Вскоре после приезда шел я, в первом часу, по Невскому, направляясь завтракать в ресторан, как увидал – навстречу идет маленький, низенький, старенький флотский штаб-офицер. Всматриваюсь: знакомое круглое крас-

ное лицо с маленькой луковкой среди мясистых щек, но не гладко выбритых, а опущенных седыми бакенбардами. Он шел своей мелкой, торопливой походкой, с развальцем, заложив за спину руки. Сильно-таки постарел Василий Иванович! И куда делся его прежний щеголеватый вид, каким он, бывало, всегда отличался, выходя к подъему флага на мостик! Пальто теперь на нем было потертое, перчатки на руках сомнительной белизны, фуражка старенькая, вроде той, в какой Василий Иванович, бывало, носился по клиперу только во время утренней уборки.

Я окликнул Василия Ивановича, радостно бросаясь к нему. Но он глядел вопросительно, не узнавая меня. Я и забыл, что он знал меня безбородым мичманом, а видел теперь обросшего бородой.

Я назвал себя, и в то же мгновение лицо его озарилось хорошо знакомой доброй, радостной улыбкой. Мы облобызались.

– Вот никак не ожидал вас, батенька, встретить!.. – весело говорил Василий Иванович после первых приветствий и восклицаний.

Я объяснил, что приехал сюда два дня тому назад и собирался непременно быть в Кронштадте, чтобы навестить Василия Ивановича.

– Вот спасибо, спасибо, голубчик, что не забыли! – обрадовался Василий Иванович, видимо тронутый... – Все ж три года вместе плавали!.. Только я не в Кронштадте живу, а здесь.

– Что же вы здесь делаете? – удивился я.

– А вот-с граню тротуары!.. – как-то грустно усмехнулся он. – Да раз в две недели дежурю советником в адмиралтействе... Вот и вся моя служба-с! – прибавил Василий Иванович с горечью в тоне.

– Разве больше не плаваете?

– Я и забыл уж, как плавают-с... Давно сухопутным моряком стал-с... Вроде швейцарского адмирала... Недавно вот в оперетке с женой смотрели...

– Вы женаты, Василий Иваныч?

– Как же-с... Скоро будет пять лет, как женился на старости лет! – проговорил, застенчиво улыбаясь, Василий Иванович. – Может, знавали покойного Душкина?

– Знал... Он старше меня двумя годами по выпуску.

– Ну, так я на вдове его женат... Как же-с... Дочь инженер-механика Купоросова... Помер старик. Вот зайдите ко мне... Я в Коломне живу... дешевле, знаете ли, – прибавил он, сообщая свой адрес. – Познакомьтесь с женой. Детей увидите... Ну, а вы как, батенька? Хорошо ли плаваете по морю житейскому?..

Мне хотелось обстоятельнее побеседовать с Василием Ивановичем, вспомнить старину, и я пригласил его идти завтракать.

Но он вдруг замялся.

– Да вы не свободны, что ли, Василий Иванович?

– Я бы не прочь... да, видите ли...

И Василий Иванович, несколько конфузясь, объяснил, что жена поручила ему кое-что купить в Гостином дворе.

– Знаете ли, батенька, финтифлюшки там разные... ленточки-с, кружева... И я обещал через два часа принести.

Насилу я его уговорил отложить покупки. Он согласился, наконец, но все-таки прежде отправил к жене записку с посылным...

– По крайней мере ждать напрасно не будет! – пояснил он мне, словно оправдываясь.

Через пять минут мы уж сидели в отдельном кабинете ресторана за завтраком. Само собою разумеется, любимое вино Василия Ивановича не было забыто.

– Да-с, батенька, – говорил Василий Иванович, – вот мостовые граню-с, вместо того, чтобы в море ходить... Несколько лет тому назад дали корвет, плавал на нем два лета, и с тех пор при берегу.

– Да и какое нынче плавание-с? – продолжал он, помолчав. – Нынче все броненосцы-с пошли!.. Плавать на них настоящему парусному моряку не особенно лестно-с. Это не то, что на «Голубчике». Помните, как в Хакодате на рейд входили-с, а? – оживился Василий Иванович. – По крайней мере школа для молодежи была... да-с!

– Так вы ничем и не командуете, Василий Иваныч?

– Ничем-с. Обещали было монитор, да не дали. Нашего брата много-с, а судов в плаванье ходит мало-с... Надо хлопотать, проситься; а это, знаете ли, батенька, не в моих пра-

вилах-с... Коли достоин – сами назначат, без напоминаний. Со стороны виднее-с. Да, видно, и в самом деле негоден. Пора и в слом-с!.. Вот только трудненько жить на береговое жалованье! – прибавил Василий Иванович, горько усмехаясь. – Семья большая. У жены-то от первого мужа четверо детей. А куда пойдешь? Поздно уже за другую службу приниматься.

Василий Иванович примолк и через минуту вдруг сказал:

– И время странное, знаете ли, какое-то стало. Иной раз думаешь, думаешь и ничего не понимаешь. Как-то совсем без правил стали люди жить!..

– То есть как это без правил?

– А очень просто, как живут без правил. Сегодня – одно правило, завтра – другое. Каждый только свою линию ведет и только и думает, что о рубле. Какой-то дух стал ярыжнический... право.

– Это уж такой дух времени, Василий Иванович.

– Именно дух времени. Прежде, бывало, каждый рвался в дальнее плаванье... лестно, знаете ли, молодому человеку поплавать, а

нынче... Какой-нибудь мичманенок – и уже рассчитывает: где больше содержания достанется. Так-с, знаете, досконально до копейки высчитает – и где больше этих самых копеек, туда и просится. Нет, знаете ли, любви к морю. И товарищества прежнего нет-с! Да что и говорить!

Старик безнадежно махнул рукой.

– Вы думаете, пожалуй, что я брюзжу потому, что считаю себя обиженным? Нет! Да и какая обида-с, если разобрать? Не всем же в адмиралы лезть. Вот скоро полный пенсион выслужу, так, вероятно, и совсем уволят. Чего еще держать? Послужил, слава богу! А все-таки противно смотреть, знаете ли, на этот дух времени. Ведь любишь своих-то. Недавно еще... вообразите себе: один молодой человек – ревизором его назначили – в обществе рассказывал, что он в плавании наживет деньги-с! Обороты там какие-то при покупках угля и провизии... законные, говорит! И еще при дамах рассказывал... Можете себе представить – при дамах-с! Ну, разве не мерзость? – прибавил расходившийся Василий Иванович.

– Не все же такие, Василий Иванович!

– Боже сохрани! Разумеется, не все... Но закваска не та. Да. Странные времена-с. Нынче труднее стало жить, вот как я думаю! – заключил Василий Иванович.

Я стал расспрашивать о прежних сослуживцах. Бывший капитан «Голубчика» умер несколько лет тому назад; многие вышли в отставку; Сидоров командует корветом.

– Бравый капитан из него вышел! – прибавил Василий Иванович. – А Лесовой... помните? Тот в деревне живет... мировым судьей был. Школы разные заводит. Когда приезжает сюда, непременно меня навещает. Славный человек. На редкость!

– А Карл Карлыч где?

– Карл Карлыч давно женился на своей Амалии... помните? Имеет хорошее место, но только отступил от своих правил! – засмеялся Василий Иванович.

– А что?

– Да как же! Говорил, что по правилам нужно иметь двоих детей, а у самого – целых шестеро!

– А Непенин где?

При имени Непенина Василий Иванович насупился.

– Разве не слышали? Он теперь важная пер-сона-с. На днях встретились, так не узнает. Еще бы! Где узнать? Ну, да бог с ним! Совсем без правил человек! – резко проговорил Василий Иванович и стал расспрашивать о моей жизни.

1866

1

Гонолулу – город и порт, административный центр Гавайских островов.

[^^^]

Каначки. – Канаки – старинное название жителей островов Полинезии; на языке туземцев Гавайских островов «канак» – человек, житель страны.

[^^^]

3

более монархист, чем король (*фр.*)

[^^^]

4

...как Кукушкина в «Доходном месте»: «У меня ль не чистота, у меня ль не порядок!» – Неточная цитата из комедии А.Н.Островского «Доходное место» (1857).

[^^^]

5

...на клипере телесные наказания были изгнаны из употребления... – Согласно указу от 17 апреля 1863 года телесные наказания на военных судах могли применяться как дисциплинарное взыскание только по суду.

[^^^]

нарастая (*ит.*)

[^^^]

Пария – здесь: отверженный, бесправный человек; от названия одной из низших каст в Южной Индии.

[^^^]

Недавно корпус штурманов и морских артиллеристов упразднен (Недавно корпус штурманов и морских артиллеристов упразднен... – По Положению о Морском ведомстве, утвержденному 3 июня 1885 г.), и прежнему антагонизму между разными родами службы более не будет места. *(Прим. автора.)*

[^^^]

Валаамский монастырь – Преображенский мужской монастырь на о.Валаам в Ладожском озере.

[^^^]

Духовные канты – песнопения торжественно-церковного содержания.

[^^^]

Лепорелло – имя слуги Дон Жуана в «Дон Жуане» Мольера и «Каменном госте» А.С.Пушкина, ставшее нарицательным для обозначения преданного своему господину и пользующегося его особым доверием слуги.

[^^^]

«*Роберт-Дьявол*» (1831) – популярная в XIX веке опера немецкого композитора Джакомо Мейербера. Была написана по либретто французского драматурга Огюста Эжена Скриба.

[^^^]

Чечунчовый пиджак – правильно: *чесунчовый* (*кит.*) – из суровой платяной ткани, вырабатываемой из особого шелка.

[^^^]

Прощай (*фр.*), моя любимая! (*нем.*)

[^^^]

Чирутка – сорт дешевых сигар.

[^^^]

Эбергарт, Иван Иванович – преподаватель танцев в Морском корпусе в то время, когда там учился Станюкович.

[^^^]

цвета китайской розы (темно-красного) (*фр.*)

[^^^]

«Чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей!» – Неточная цитата из VII строфы IV главы «Евгения Онегина» А.С.Пушкина.

[^^^]

Благодарю (*нем.*)

[^^^]

Стаут – сорт пива.

[^^^]

Честер – сорт сыра.

[^^^]

...которых предки не особенно давно съели Кука. – Английский путешественник Джеймс Кук (1728–1779) погиб во время одной из своих экспедиций на открытые им Гавайские острова.

[^^^]

Бон – хорошая (фр.)

[^^^]

Тре бон – очень хорошо (*фр.*)

[^^^]

Вы очень красивы! (англ.)

[^^^]

«о, да!» (англ.)

[^^^]

Мустикерка – занавеска от МОСКИТОВ.

[^^^]

Аркашон – город во Франции.

[^^^]

с перцем (*φρ.*)

[^^^]

хереса, разбавленного водой с толченым льдом (*англ.*)

[^^^]

Фендрики (устар. разг.) – прапорщики. В царской армии – шутовское или пренебрежительное название молодого офицера.

[^^^]

Манилка – сорт дешевых сигар.

[^^^]

Копчинка – скупой. *(Прим. автора.)*

[^^^]

...задать «ассаже» – осадить, образумить (*фр.*)

[^^^]

Не правда ли *(нем.)*

[^^^]

Так называется пространство, куда поднимается винт (*Прим. автора.*)

[^^^]

Ландскнехт – старинная немецкая карточная игра.

[^^^]